

ЖИЗНЬ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXXVI г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVI

№ 29

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. К. Шеллера-Михайлова, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложаній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1905

Выданъ 23-го іюля 1905 г.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій М. Е. Салтыкова-Щедрина“ кн. 6.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1905 Г. Съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника нивы“, содержащихъ: и остальныхъ 30 книгъ полн. собр. сочиненій М. Е. Салтыкова-Щедрина А. К. Шеллера-Михайлова.

Первыя 10 книгъ полн. собр. сочиненій

М. Е. Салтыкова-Щедрина

А. К. Шеллера-Михайлова.

Безъ достав-ки въ Петербургъ . . .

6 р. 50 н.

Безъ доставки въ МОСКВѢ въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскій линіи.

7 р. 25 н.

Безъ доставки въ ОДЕССѢ въ кн. маг. „ОБРАЗОВАНИЕ“, Ришельевск. 12.

7 р. 50 н.

Съ достав-кою въ Петербургъ . . .

7 р. 50 н.

Съ пересылкою во всѣ мѣстности Россіи. . . .

8 р.

За гра-ницу. 12 р.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1/2 года съ доставкою въ СПБ. 4 р., съ перес. во всѣ мѣста Россіи 4 р.; на 1/4 года съ доставкою въ СПБ. 2 р., съ перес. иногороднымъ 2 р.

Волченокъ.

Повѣсть
П. П. Гнѣдича.

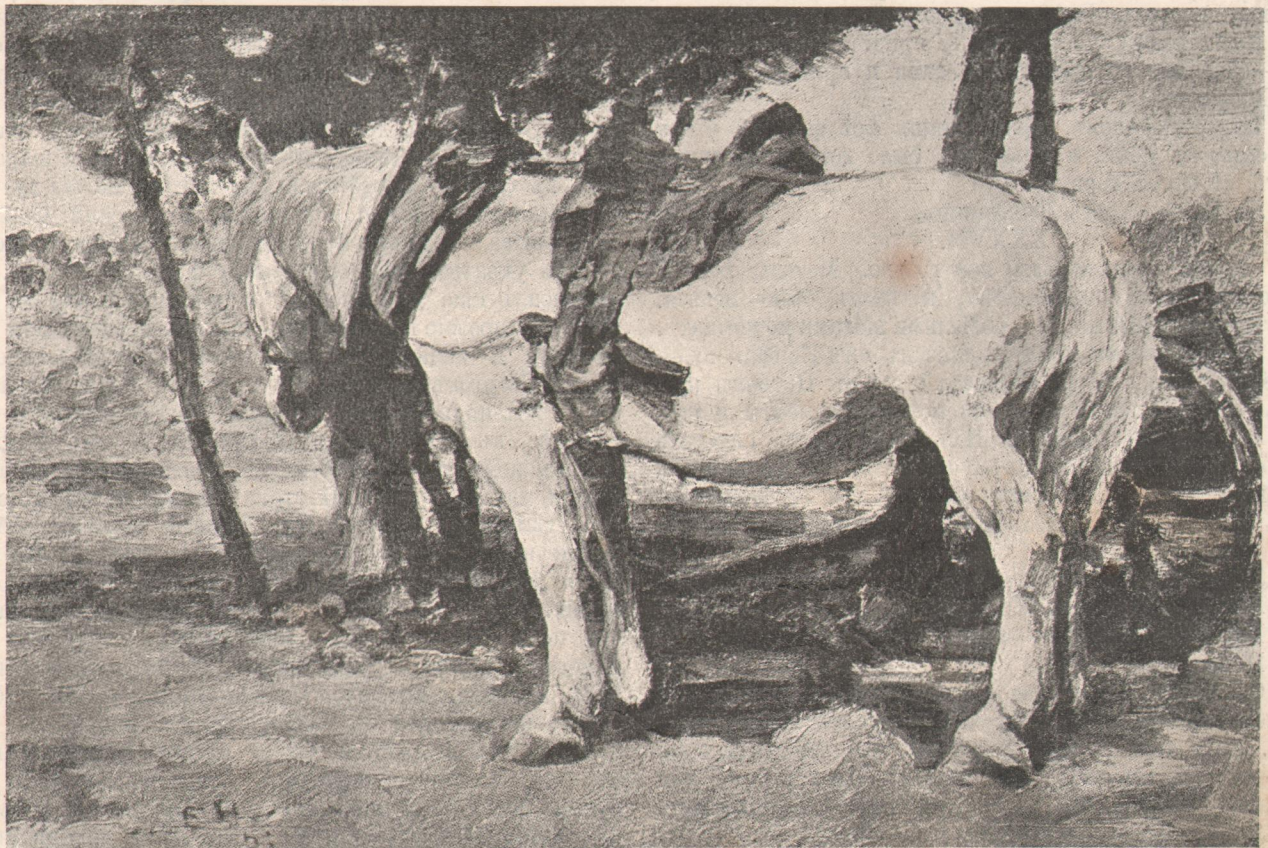
(Продолженіе).

Гибсъ протянулъ Кэттъ книжку. Она посмотрѣла.

— Да,—сказала она:—я изъ пяти словъ понимаю

одно, и то только наполовину. Ну, а что же, мальчикъ поѣдетъ съ вами? Онъ ничѣмъ не связанъ?

Гибсъ обратился къ Петру.

Послѣ знойнаго дня. Картина Э. Гегенбарта, авт. «Нивы».

— Хочешь со мной за границу?

— Хочу,—отвѣтилъ Петръ.

— Мы съ тобой поѣдемъ по морю на большомъ пароходѣ, поѣдемъ далеко-далеко на востокъ.

Глаза у мальчика загорѣлись.

— Поѣдемъ,—повторилъ онъ.

— Я тебѣ сдѣлаю костюмъ синяго цвѣта, и на ноги штиблеты. Мы будемъ съ тобой переходить горы, переплывать моря и рѣки. Будемъ ѣздить на слонахъ, на верблюдахъ. Если ты будешь мнѣ хорошо служить, я тебѣ дамъ наслѣдство послѣ себя.

— Мнѣ не надо наслѣдства. Мнѣ и жалованья не надо, только возьмите меня съ собой.

— Какой ты честный и какой ты славный мальчикъ!—воскликнула миссъ.—Поди сюда, я тебя поцѣлую.

И она крѣпко его поцѣловала въ румяную, отмороженную щеку.

— Люби своего господина, береги своего господина,—сказала она.—Если ты будешь его беречь и хранить, я тебѣ каждый годъ буду присылать хорошие, дорогие подарки. Ты долженъ выпить съ нами пуншу.

Петя уже привыкалъ къ жгучему напитку, и ему нравилась одурманивающая теплота, что разливалась по всему тѣлу. Онъ даже не безъ удовольствія нюхалъ ароматный паръ, расходившійся по комнатамъ отъ душистаго варева.

— А я вамъ привезла тоже маленькій подарочекъ,—краснѣя, заговорила Кэтъ, доставая изъ угла мѣшокъ.—Я знала, что у васъ на исходѣ лимоны, заѣхала по дорогѣ къ Елисеѣву и взяла два десятка самыхъ лучшихъ. Я нарочно разрѣзала и посмотрѣла въ серединѣ.

— Вотъ спасибо,—сказалъ Гиббсъ:—лимоновъ, въ самомъ дѣлѣ, у насъ немного осталось, а здѣсь въ лавочкѣ отвратительные.

Отъ рома оба они покраснѣли. Впрочемъ, Кэтъ едва допила свой стаканъ, пока Гиббсъ успѣлъ выпить три.

— Ну, пора!—сказалъ онъ.—Укутывайтесь теплѣе.

— А ты,—обратился онъ къ Петру:—ложись сейчасъ спать, потому что въ два часа ночи мы выѣдемъ на заливъ.

На крыльцѣ крутился вѣтеръ, высоко взметая снѣгъ. Весь садикъ былъ заметенъ, и еле торчали только самыя верхушки кустовъ. Гиббсъ недовольно повелъ шею.

— Если вьюга не пройдетъ, придется отложить работу,—сказалъ онъ, садясь въ сани и принимая вожжи отъ Епифанова.

— Ты, Епифановъ, приготовишь всѣ фонари, что у насъ есть, къ ночи, и чтобъ все было готово къ двумъ часамъ. Я скоро вернусь.

— Ладно,—сказалъ Епифановъ.

XXXVII.

Къ двумъ часамъ было все готово. Метель, хотя и слабѣе, но выла попрежнему, и ѣхать было нельзя. Гиббсъ хмурился и ходилъ большими шагами по комнатамъ.

— Я все-жъ-таки пойду,—сказалъ онъ Епифанову.—Я пойду одинъ. А на разсвѣтѣ ты съ Петромъ приѣдешь. Вы положите въ санки всѣ инструменты и приѣдете къ дальней проруби. Ихъ надо будетъ спустить въ воду, привязать камни и спустить. Завтра могутъ сюда приѣхать... Если у насъ увидятъ эти инструменты, всѣмъ будетъ плохо. Нельзя ихъ держать... Это запрещено. Понимаете...

— Я ничего не знаю, какіе-такіе инструменты. Я рыбу ловлю,—возразилъ Епифановъ.

— Ну, а ты понялъ?—спросилъ Гиббсъ Петра.

— Понялъ.

— Обвяжите хорошенько все веревками, привяжите потяжелѣе камни, и тамъ, на восьми футахъ, мы спустимъ внизъ. Если тебя, Петръ, сироятъ, что ты дѣлалъ со мной, можешь говорить, что мѣряли ледъ, потому что Епифановъ подражался доставлять его въ Кронштадтъ.

— Я рѣдился,—подтвердилъ Епифановъ.

— Но ледъ еще не толстъ, его рано свозить,—только черезъ мѣсяцъ начнется рубка. Понялъ?

— Я все понялъ,—какъ-то загадочно подмигивая воровскими черными глазами, сказалъ Петя.

— Ну, не все, положимъ!—сказалъ Гиббсъ.—Только держи ухо востро. Можетъ-быть, завтра будетъ тебѣ важный экзаменъ. А теперь прощайте.

Онъ взялъ фонарь, закутался въ даху и пошелъ прочь.

Къ утру метель стихла, но снѣгу намело до половины оконъ. Епифановъ приготовилъ всѣ инструменты, обвязалъ ихъ рогожкой и привязалъ къ нимъ пудовые камни, которые, не стѣняясь, выворотилъ изъ фундамента дачи. Все уже было уложено въ сани, какъ вдругъ Епифановъ глянулъ внизъ и схватилъ за плечо Петра.

— Ъдутъ! Ъдутъ!—заговорилъ онъ попотомъ, тараща глаза.—Сюда наверхъ заворачиваютъ. Садись скорѣй, гони куда-нибудь скорѣе... Я здѣсь останусь...

Петръ понялъ, что пришла пора дѣйствовать; онъ повернулъ лошадь, быстро проскакалъ улицу, свернулъ влѣво и, весь дрожа и оглядываясь, помчался куда-то внизъ подъ гору. Онъ переѣхалъ большую дорогу. Лохматая собака съ лаемъ кинулась къ нему и поскакала рядомъ.

По прозрачному дѣвственному снѣгу тянулись опредѣленные слѣды полозьевъ. Если бы кто захотѣлъ его нагнать, это легко было бы сдѣлать. Онъ убить готовъ былъ собаку, что лаяла на всю окрестность, и только обращала на него вниманіе. Ему пришлось въ голову остановить лошадь и позвать пса.

— Чего ты, глухой, поди сюда!—говорилъ онъ ему.

Собака смолкла, посмотрѣла на него недовѣрчиво, опустила хвостъ и рысцой побѣжала въ другую сторону. Онъ снова погналъ лошадь. По кочкамъ и выбоинамъ доѣхалъ онъ по опушкѣ сосноваго лѣса до моря; лошадь не хотѣла спускаться на ледъ, онъ свелъ ее подъ уздцы и поѣхалъ не къ Кронштадту, а накосъ, какъ ему показалось, въ другую сторону. Онъ искалъ глазами проруби, или расщелины, но нигдѣ не было ничего видно. Ему хотѣлось спустить инструменты во что бы то ни стало. Проколесивъ вереты дѣв, онъ вдругъ увидѣлъ передъ собой палку, въ родѣ тѣхъ, что втыкалъ Епифановъ у прорубей. Онъ остановилъ лошадь, слѣзъ и пошелъ къ палкѣ. Обходя ее, онъ вдругъ почувствовалъ, что подъ нимъ что-то хрустнуло, ноги его ушли внизъ, и онъ по грудь охватился холодной водою. Онъ схватился за ледъ, ледъ обломился, но ноги доставали до дна, и онъ стоялъ на немъ плотно. Онъ сдѣлалъ шагъ по дну, нащупалъ ледъ покрѣиче, приподнялся на рукахъ и вылѣзъ. Когда ледъ треснулъ, лошадь шархнула въ сторону и отбѣжала, но потомъ пошла нагомъ. Онъ побѣжалъ за ней и вспрыгнулъ въ сани. Она рванула и вывалила инструментъ отъ толчка на землю. Но онъ успѣлъ ухватить за одну вожжу и остановить ее. Онъ выбросилъ еще два свертка и потащилъ ихъ къ проруби. Осторожно подойдя, онъ положилъ одинъ изъ нихъ на край и началъ толкать ногою, спустивъ впередъ грузъ. Свертокъ кувырнулся и исчезъ подъ водой, пустивъ изъ-подъ рогожи пузыри. Другой свертокъ былъ тяжелѣе, въ немъ было пуда три. Когда онъ волочилъ его, въ немъ что-то дребезжало, должно-быть, разбитыя стекла инструментовъ. И этотъ мѣшокъ бултыхнулся на дно. Оставался третій. Изъ рогожи торчали дубовые концы ножекъ съ острыми иглами на концѣ. Здѣсь была привязана просто полупудовая гиря, и свертокъ былъ легкій. Кинуть его было не трудно. Но, юркнувъ на дно, онъ не затонулъ, а выставилъ вверхъ и дубовую ногу и рогожу. Если-бъ была палка, Петръ поправилъ бы дѣло, но палки не было. И оставить такъ нельзя было.

Онъ поколебался съ минуту. Но все равно, онъ былъ уже совсемъ мокрый, и потому рѣшилъ опять прыгнуть въ воду. Но теперь пришлось чуть не по грудь окунуться: надо было подвести подъ аршинный ледъ все, что могло выплыть наружу. Онъ просовывалъ ножку все дальше и дальше, чувствуя, какъ коченъютъ руки и отказываются дѣйствовать пальцы.

Еще одно усилие. Онъ влѣзъ наружу. Прорубь была чиста. Онъ подошелъ къ санямъ. Рукавицъ у него не было, впопыхахъ, онъ оставилъ ихъ дома. Въ саняхъ лежалъ коверъ, онъ началъ обтирать объ него руки, засунувъ ихъ въ сѣно, но и тамъ было холодно. Онъ хотѣлъ взять вожжи, пальцы не слушались его и не стибались. Онъ обошелъ лошадь, дотронулся до ея губъ, онъ были теплы, но не грѣли. Онъ увидѣлъ, что между хомутомъ и шеей можно просунуть руку, и просунулъ обѣ. Тамъ было тепло. Но зато стало холоднѣе ногамъ, ихъ точно сунули въ желѣзные сапоги. На вѣтрѣ платье сразу стало леденѣть.

Онъ влѣзъ въ сани, покрылся ковромъ, весь съежился. Править онъ не могъ. Зубы его стучали, внутри все дрожало. Лошадь тронулась и куда-то его повезла. Ему было все равно. Онъ закрылся съ головой и силится отогрѣть свои пальцы дыханьемъ. Онъ весь старался съежиться въ одинъ комокъ; но чѣмъ онъ больше ежился, тѣмъ ему казалось холоднѣе и мокрѣе.

Лошадь его везла шагомъ. Куда, онъ не зналъ. Раза два онъ выглядывалъ изъ-подъ ковра. Но вокругъ все было окутано бѣлесоватымъ туманомъ. Раза два его сильно качнуло, и онъ чуть не вывалился. Если бы его вывалило, онъ бы такъ и остался лежать на льду. Ему было безразлично—ѣдетъ ли онъ, или лежитъ, живъ онъ, или умеръ. Единственное сознание, которое явственно проступало въ его мозгу, было:

— А все-таки запрягаль, запрягаль!

Потомъ онъ услышалъ, что лошадь стоитъ на мѣстѣ. Онъ опять высунулъ голову и узналъ мѣсто: это было тамъ, гдѣ въ послѣдній разъ они разбивали чумъ и топтали печку. Но теперь никакихъ слѣдовъ отъ этого не оставалось. Гиббса нигдѣ не было видно.

— Ну, ну, ну!—вдругъ закричалъ онъ на лошадь.

Та круто завернула назадъ и пошла къ берегу. Петѣ смутно рисовалось, что туда, куда везетъ его лошадь, прѣхали какіе-то страшные люди, которые хотѣли сдѣлать что-то дурное съ этимъ хорошимъ и добрымъ Оомой Ивановичемъ. Оома Ивановичъ возьметъ его съ собой за границу, и онъ будетъ сидѣть въ синемъ платьѣ на слонѣ. Онъ видѣлъ слона: ему показывала этого слона на картинкѣ Жозефина. Онъ сѣрый, большой. На немъ спать удобнѣе, чѣмъ въ саняхъ, и теплѣе; теплѣе, потому что тамъ, гдѣ они водятся, есть сладкіе финики, которыхъ тоже было много у Жюзи. У Оомы Ивановича сладкаго не было, но все равно: они поѣдутъ туда, гдѣ растутъ финики. А за Оому Ивановича онъ готовъ всегда умереть, потому что Оома Ивановичъ самый лучший человекъ изъ всѣхъ, кого онъ только зналъ.

Разъ-ему показалось, что надъ самымъ его ухомъ закричала леди. Онъ сдернулъ коверъ, и увидѣлъ только сѣрое небо, и какія-то ржавыя пятна, которыя ползли по этому небу. Онъ закрылся. Теперь какъ будто стало теплѣе; но въ то же время гдѣ-то было больно, какъ будто въ головѣ. Знобило и ноги, и болѣли виски. Ржавыя желтыя пятна стояли передъ глазами и въ темнотѣ.

Но вдругъ онъ почувствовалъ какой-то толчокъ. Онъ сѣлъ въ саняхъ, сдернувъ съ себя коверъ. Берегъ былъ недалеко. Онъ какъ-то дико закричалъ на лошадь и замахалъ рукой. Лошадь прижала уши и пошла дробной рысью. Онъ слышалъ, какъ голосъ его прокатился надъ снѣжнымъ льдомъ и замеръ. вмѣсто одной лошади, вдругъ побѣжали двѣ, и двѣ дуги затряслись передъ его глазами. Но потомъ опять все совмѣстилось въ одну лошадь, въ одну дугу, и стало менѣе холодно.

Берегъ началъ приближаться. Онъ видѣлъ, что на берегу стоитъ Епифановъ. Ему онъ машетъ что-то рукой. Лошадь бѣжитъ наѣзженной дорогой. Что-то тяжело томительное въ каждомъ мгновении. Что-то давить его снаружи, что-то распираетъ изнутри.

Около него что-то дѣлаетъ Епифановъ, но ему все равно. Старикъ беретъ вожжи и гонитъ лошадь. Лошадь подобра-

лась и скачетъ. Санки подпрыгиваютъ, бьются изъ стороны въ сторону и останавливаются. Руки Епифанова просовываются подъ спину Пети и хотятъ его поднять.

— Пусти!—говоритъ онъ:—я самъ пойду. — И онъ бодро идетъ, входитъ на балконъ, проходитъ сѣни. Вотъ онъ и въ комнатѣ, стоитъ по срединѣ и задумчиво смотритъ на стѣны. Епифановъ что-то говоритъ и показываетъ на его сапоги и штаны.

— Откуда ты? Что съ тобой?—спрашиваетъ Оома Ивановичъ, и въ голосѣ его слышатся какіе-то новые звуки.

— Я все въ прорубь... я хорошо запрягаль, не найдуть. Я влѣзъ въ воду, и запрягаль, — бормочетъ Петя.

— Молодецъ,—говоритъ весело Гиббсъ.—Ну-ка, давай съ него скидать все, Епифановъ.

Его мигомъ раздѣваютъ. Посинѣлое тѣло при блѣдномъ свѣтѣ зимняго дня кажется мертвымъ. Къ самой постели придвигаютъ чугунную топящуюся печку. Гиббсъ достаетъ суконку и ловко начинаетъ тереть ногу. Епифановъ третъ другую. Бензинка кипитъ, и опять спасительный ромъ разливается благоуханьемъ по комнатѣ.

Петра заваливаютъ шубами. Оома Ивановичъ самъ укутываетъ его, и Петя видитъ, какъ чей-то красный длинный языкъ высовывается, заворачивается трубкой, и чьи-то зеленые глаза горятъ по бокамъ и свѣтятся прямо въ его душу; онъ вскрикиваетъ, поворачивается, и чувствуетъ, какъ ломить его голову, и какъ жарко и тяжело дышать, и какъ болить и горло, и грудь, и спина.

Изба раздвигается. Онъ опять видитъ сѣрое небо, необъятное, холодное. Опять чувствуетъ воду и дно подъ ногами. Опять желтая лошадь пугливо шарахается въ сторону, и Андрей Ивановичъ цѣлуетъ его и что-то шепчетъ...

XXXVIII.

Вечеромъ, въ тотъ же день, Гиббсъ привезъ изъ Ораніенбаума молодого и веселаго военного доктора. Докторъ посмотрѣлъ больного, помѣрилъ температуру и сказалъ:

— Трудно опредѣлить. Какой-нибудь тифондъ.

— Опасно или нѣтъ?

— Ничего не могу сказать. Опредѣлится завтра. Хотите, я прѣйду? А еще лучше—свезите его въ больницу, теперь тамъ мѣста есть, къ празнику всегда больные стараются или умереть или выздоровѣть.

Гиббсъ сказалъ, что положить мальчика въ больницу по нѣкоторымъ причинамъ неудобно, а что если докторъ завтра понадобится, то за нимъ приѣдутъ.

Когда Гиббсъ остался у постели больного мальчика вдвоемъ съ Епифановымъ, онъ сказалъ ему:

— Епифановъ, мнѣ нельзя больше ни минуты здѣсь оставаться. Я долженъ ѣхать. Я поручаю мальчика тебѣ. Завтра я увижу леди и передамъ ей дальнѣйшую заботу, а пока ты долженъ заботиться о немъ. Ты отчасти виноватъ въ его болѣзни: офицеровъ, прѣхавшихъ на дачу, ты принялъ за полицію и напугалъ малаго. Теперь ты долженъ остаться при немъ, пока леди не приметъ его отъ тебя. Я хотѣлъ взять его съ собой, но придется отложить это. Вотъ тебѣ деньги. Можешь звать, если нужно, доктора, покупать лѣкарство, но въ больницу не клади его: неизвѣстно, какой у него будетъ бредъ. Весь расчесть со мной ты получишь черезъ леди. Прощай.

Онъ протянулъ ему руку. Епифановъ пожалъ ее и сказалъ, по обыкновенію: «хорошо». Потомъ Гиббсъ наклонился надъ мальчикомъ, поцѣловалъ его въ лобъ и быстро вышелъ изъ избы. Епифановъ не спрашивалъ его, почему онъ уходитъ пѣшкомъ, что дѣлать съ лампой и печкой. За два года службы у Гиббса онъ узналъ его натуру и боялся сказать лишнее слово.

Заперевъ двери, онъ легъ на тотъ диванъ, на которомъ спалъ эти ночи Гиббсъ. Его безпокоила болѣзнь мальчика: голова его горѣла, онъ просилъ пить, никого не узнавалъ. Иногда у него вырывался тихій стонъ и онъ тревожно метался на подушкѣ.

Мечты. Картина В. Корюса, авт. «Нивы».

Virginia Dement Boston

Испытаніє. Картина Виржини Демонт. Арт. «Нивы».

«Окачурится, — разсуждалъ Епифановъ. — И нѣту пачпорта и оягь придетъ полиція. И совсѣмъ такъ невозможно».

Онъ придумывалъ, какъ бы покончить дѣло проще и удобнѣе. И къ утру придумалъ.

Онъ заложилъ лошадь. Мальчикъ не приходилъ въ себя. Онъ укуталъ его въ теплое, снесъ въ санки, сдаль избу своей старой сестрѣ, что ютилась въ надворной пристройкѣ, сѣлъ на облучокъ, надвинулъ на уши эскимосскую шапку, сѣхалъ съ горы и повернулъ по петербургской дорогѣ. Надо отдать ему справедливость, — онъ не жалѣлъ лошадь. Прошелъ какой-нибудь часъ, а онъ уже завидѣлъ купола Сергіевской пустыни. Здѣсь онъ пустилъ лошадь шагомъ, далъ ей версты три вздохнуть, и оягь погналъ во весь духъ по гладкой наѣзженной дорогѣ.

Было девять часовъ утра, когда взмыленная, взерошенная лошаденка, раздувая ноздри, пронеслась мимо Варшавскаго вокзала, промчалась черезъ мостъ Обводнаго канала и сразу очутилась въ городѣ. Епифановъ сдѣлалъ два-три поворота и остановилъ ее у сѣраго деревяннаго дома.

Въ подъѣздъ онъ не звонилъ, а пошелъ во дворъ и вызвалъ дворника.

— Тутъ мальчонка у васъ жилъ, у доктора—Пѣтра, — заговорилъ онъ. — Такъ значить больной; я привезъ его. Подсоби его вынести.

— Ну! — обрадовался дворникъ. — А докторъ даже объявленіе о немъ хотѣлъ сдѣлать, — куда дѣвался.

— Никуда не дѣвался. На мѣстѣ жилъ. А теперь вотъ прихворнулъ, лѣчить надо. Возьмите, пожалуйста.

Они оба подошли къ санямъ. Епифановъ приподнял пледъ. Мальчикъ тяжело дышалъ, сквозь стиснутые зубы прорывался какой-то свистъ.

— Ишь ты, — сказалъ дворникъ и осторожно поднялъ его, понесъ черезъ дворъ на кухню къ Петру Ивановичу. Епифановъ пошелъ за нимъ, задумчиво постегивая себя кнутомъ по сапогу. Но, дойдя до угла дома, онъ вдругъ остановился, точно что-то вспомнилъ, пошелъ назадъ, вышелъ изъ калитки, сѣлъ въ санки, круто завернулъ лошадь и во весь махъ оягь помчался въ ту сторону, откуда пріѣхалъ.

Петръ Ивановичъ только-что собирался надѣвать сюртукъ, чтобы ѣхать съ визитами, когда запыхавшаяся горничная вбѣжала съ крикомъ:

— Петю привезли!

Сперва оба супруга оторопѣли. Петру Ивановичу даже показалось, что горничная сошла съ ума; онъ сразу не могъ опредѣлить, про какого Петю идетъ дѣло. Жозя сообразила скорбе, и, прежде чѣмъ онъ что-нибудь сказалъ, уже кинулась на кухню.

Появленіе мальчика было такъ же таинственно, какъ и его исчезновеніе. Никто не зналъ, откуда принесъ его дворникъ. Да и дворникъ могъ только сказать, что привезъ его небритый старикъ, — должно, изъ чухонцевъ.

— Что же это такое! — негодовалъ Петръ Ивановичъ. — Гдѣ мы живемъ? Въ Испаніи? Въ Америкѣ? На дунѣ? Что это за мистеріи? Дѣти падаютъ, какъ аэроплиты съ неба.

Онъ сунулъ ему подъ мышку градусникъ, и пока тотъ подымался до максимума, еще разъ допросилъ дворника:

— Да кто привезъ-то его, ты знаешь?

Бродилъ онъ тутъ иногда... Лядъ его знаетъ, какой!

Зачѣмъ же ты отъ него взялъ мальчика?

— А какъ же я не возьму, коли онъ даетъ?

Термометръ показалъ сорокъ одинъ съ половиной. Петръ Ивановичъ вытянулъ губы.

— Перенести его въ угловую и раздѣть, — командовалъ онъ, и самъ, пойдя впередъ, снялъ съ себя сюртукъ и надѣлъ пенсену, чтобъ лучше разсмотрѣть больного.

Больной представлялъ жалкое подобіе

тѣло дышало, сердце билось, но мысль

стновали. Когда онъ открывалъ вѣки, черные итальяскіе глаза смотрѣли въ пространство, но ничего не видѣли. Ухо воспринимало окружающее, но въ мозгъ отдавалось отчета въ этихъ звукахъ. Пульсъ бился лениво, дыхание было частое.

Петръ Ивановичъ сидѣлъ передъ нимъ. Жозя стояла возлѣ. Обнаженная грудь мальчика подымалась и падала. Жозефина ждала приговора мужа.

— Что же, сѣздить къ Андрею, сказать? — спросилъ онъ, почесывая въ затылкѣ.

— Конечно, сѣздить, — посоветовала Жозя. — Да сѣ съ нимъ?

— Что? Скверная исторія. А можетъ, и выжить. Онъ сдѣлалъ нужныя распоряженія и поѣхалъ брату. Въ первый разъ, послѣ долгихъ лѣтъ, онъ ѣхалъ къ нему съ легкимъ чувствомъ, безо всякой горечи осадка въ сердцѣ.

Онъ засталъ Андрея мрачнымъ, осунувшимся. Андрей не встрѣтилъ брата ни съ прежнимъ пренебреженіемъ, ни съ тою мягкостью, что проявлялась въ немъ при слѣднихъ свиданіяхъ.

— Что скажешь? — спросилъ онъ.

— Эге, ты посѣдѣлъ! — замѣтилъ братъ.

— Да, это иногда бываетъ.

— Ну, слушай, Андрей, — дѣло важное, только спокойнѣе.

Андрей подыалъ на него усталые глаза.

— Петя нашелся.

Глаза у Андрея вдругъ вспыхнули. Онъ поднялъ голову.

— Нашелся? — машинально переспросилъ онъ.

— Да.

И онъ разсказалъ все, что зналъ о неожиданномъ явленіи племянника.

— Боленъ, тифъ, ты говоришь? Такъ вѣдь надо, доктора, понимаешь! — крикнулъ онъ.

— Да я-то что же такое по-твоemu? — спросилъ Петръ Ивановичъ.

Андрей Ивановичъ посмотрѣлъ на него, какъ бы что-то соображая.

— Нѣтъ, нѣтъ, — заговорилъ онъ: — я про настоящаго доктора... то-есть про специалиста.

— Ну, коли специалиста, такъ на что тебѣ лучше Бурова?

— Такъ ѣдемъ къ нему, онъ гдѣ теперь?

— Онъ въ больницѣ, у него обходъ. Онъ ко мнѣ поѣдетъ.

Андрей Ивановичъ вытянулъ нижнюю губу.

— Дать двадцать пять, пятьдесятъ, сто, и поѣдетъ.

— За тысячу не поѣдетъ.

— А вотъ увидимъ.

Черезъ четверть часа они подъѣзжали къ больницѣ, гдѣ, по увѣренію Петра Ивановича, съ необычайной точностью совершалъ свои обходы по точно сообразному плану, великій докторъ.

— Вотъ мы теперь его застанемъ въ нижнемъ коридорѣ, выходящимъ изъ третьей палаты, — сказалъ Петръ Ивановичъ, смотря на часы. — На третью палату выйдете семь минутъ, сколько бы больныхъ ни было.

Они пошли по коридору, съ специфическимъ лавриновымъ запахомъ, и на поворотѣ наткнулись на особенное шествіе. Впереди шелъ «саъ», за нимъ почтительно слѣдовала толпа его помощниковъ. Вилъ Бурова былъ главнокомандующаго, обходящаго фронтъ. Онъ что-то говорилъ рыжему, коротко стриженному доктору, почтительно сѣжившему рядомъ съ нимъ, чѣмъ-то былъ недоволенъ.

— Что тае? — сказалъ онъ, чуть не наступивъ на ногу Петра Ивановича, загордившаго ему дорогу. — Отчего вы опаздываете?

— Меня задержалъ тифозный случай, — отвѣтилъ, смущаясь, Петръ Ивановичъ. — Да вѣдь вы еще до моего отѣленія не дошли. А вотъ я привезъ вамъ моего племянника, брата-профессора.

Буровъ сдѣлалъ видъ, что не сразу узнаеть Андрея Ивановича, и холодно подаль ему руку.

— Извините, здѣсь нельзя постороннимъ,—сказалъ онъ.

— Я на минутку задержу васъ, профессоръ,—вспыхивая, заговорилъ Андрей Ивановичъ.—Мнѣ необходимо, чтобъ вы тотчасъ послѣ обхода заѣхали со мной осмотрѣть больного.

Буровъ улыбнулся.

— Я «тотчасъ» не ѣзжу. У меня практика распредѣлена впередъ на нѣсколько дней. Для лѣченія острыхъ случаевъ есть свои доктора, а я пользую хроническія заболѣванія и не имѣю обыкновенія относиться къ пациенту поверхностно. У васъ есть братъ, превосходный докторъ, зачѣмъ же я? Наконецъ, вотъ передъ вами шесть докторовъ стоятъ: все превосходные врачи. Обратитесь къ нимъ, а меня извините.

Онъ поклонился и хотѣлъ идти. Но Андрей Ивановичъ удержалъ его за руку.

— Я хочу, чтобъ вы со мной поѣхали,—сказалъ онъ.

— Оставьте меня, вы насильно меня не заставите ѣхать, мнѣ некогда, пустите меня.

Онъ высвободилъ руку.

— Пусть вашъ братъ осмотритъ больного и сдѣлаеть мнѣ докладъ, тогда увидимъ,—прибавилъ онъ.

— Да я, ваше превосходительство, уже больного осмотрѣлъ,—вмѣшался Петръ Ивановичъ.

— А, ну и что же?

— Случай тяжелый.

— Но дѣло въ томъ, профессоръ,—продолжалъ Андрей Ивановичъ, чувствуя, что къ его горлу подступаютъ судороги:—дѣло въ томъ, что братъ мой дорогій сообщилъ мнѣ про васъ удивительныя вещи. Онъ увѣрилъ меня, что вы только потому не поѣдете къ моему больному сыну, что онъ лежитъ въ домѣ Петра Ивановича. Онъ думаетъ, что вы его терпѣть не можете, и поэтому скорѣе готовы пренебречь этикой доктора, чѣмъ приѣхать къ нему.

Буровъ кисло улыбнулся.

— Петръ Ивановичъ—человѣкъ крайностей,—сказалъ онъ.—Ему можно гораздо болѣе довѣрять, какъ врачу, чѣмъ какъ...

Онъ остановился.

— Честному человѣку,—подсказалъ съ улыбкой Петръ Ивановичъ.

— Я не то хотѣлъ сказать,—нахмурился, проговорилъ Буровъ.—Но все равно. Я не зналъ, что больной вашъ сынъ, и что вашъ братъ находитъ необходимымъ мой диагнозъ.

— Да ужъ кого же, кромѣ васъ!—подтвердилъ Петръ Ивановичъ.

— Дайте мнѣ адресъ, черезъ часъ я буду.

Онъ Андрею Ивановичу протянулъ руку и обратился къ свитѣ:

— Нойдемте, господа! Вы, Петръ Ивановичъ, потрудитесь мнѣ передать подробности.

Встрѣча Андрея Ивановича съ Жозефиной Федоровной вышла странной. Онъ вошелъ быстрыми шагами въ залъ; она какъ будто нѣсколько растерялась въ первую минуту отъ неожиданности. Она его почти не узнала, такъ онъ постарѣлъ. Спина его какъ-то сторбилась, голова ушла въ плечи. Не было того вызывающаго добраго вида, какъ прежде. Онъ ей даже показался жалкимъ.

— Забудемъ прошлое,—сказалъ онъ, цѣлуя ей руку.—Если я виноватъ въ чемъ—простите меня.

Это было для нея неожиданно. Она растерялась еще болѣе и сказала:

— Я вообще помню только хорошее, а дурное лучше забывать. Вы хотите видѣть Петю,—пойдемте.

Она провела его въ угловую комнату, гдѣ на желѣзной кровати съ бѣлоснѣжными подушками лежалъ мальчикъ. Его черная кудрявая голова рѣзко выдѣлялась. Глаза были открыты и смотрѣли прямо. Красная грубая рука лежала поверхъ простыни.

— Петя!—проговорилъ Андрей Ивановичъ, наклоняясь надъ нимъ.

Его рѣсеницы даже не дрогнули. Отецъ тихо опустился на колѣни предъ постелью, посмотрѣлъ въ лицо сына и вдругъ припалъ губами къ его рукѣ. Жозефина быстро вышла. Ее душили слезы; она упала къ себѣ на кровать ничкомъ и долго лежала.

— Все мѣняется въ мірѣ,—машинально шептали ей губы:—все мѣняется. Кто бы могъ думать!.. Онъ,—братъ Андрей...

Еще болѣе неожиданностью для нея былъ приѣздъ Бурова. Она почти испугалась его: онъ никогда у нихъ не бывалъ, и его отношенія съ мужемъ не сулили ничего хорошаго этому визиту. Онъ стоялъ среди зала, слегка прищурясь, ожидая, что будетъ дальше. Хорошенькая головка хозяйки заставила его придать кислой мишѣ нѣкоторую сладость.

— Супруга Петра Ивановича?—осторожно спросилъ онъ.—Очень радъ знакомству. Мы съ вашимъ все воюемъ: хоть бы вы немножко его сдерживали... Ну, да объ этомъ нечего говорить. Я къ больному. Профессоръ здѣсь? Будьте добры проводить меня.

Они застали Андрея Ивановича сидящимъ въ креслахъ у изголовья сына; онъ сидѣлъ, подперевъ голову рукою, и почти не слышалъ ихъ входа. Только когда Буровъ подошелъ къ нему вплотную, онъ точно опомнился, и уступилъ ему свое мѣсто.

— Ну-съ, приступимъ,—сказалъ, потирая руки, профессоръ.—Провѣримъ еще разъ температуру.

Онъ не торопясь отвинтилъ трубочку Цельзія, вложилъ ему подъ мышку, сосчиталъ пульсъ, посмотрѣлъ грудь и животъ, послушалъ сердце и все это съ красивыми выработанными движеніями салоннаго доктора. Андрей Ивановичъ слѣдилъ за всѣми его манипуляціями.

— Ванна была?—спросилъ онъ Жозю.

— Да.

— Безъ этого Петръ Ивановичъ обойтись не можетъ,—улыбнулся онъ.

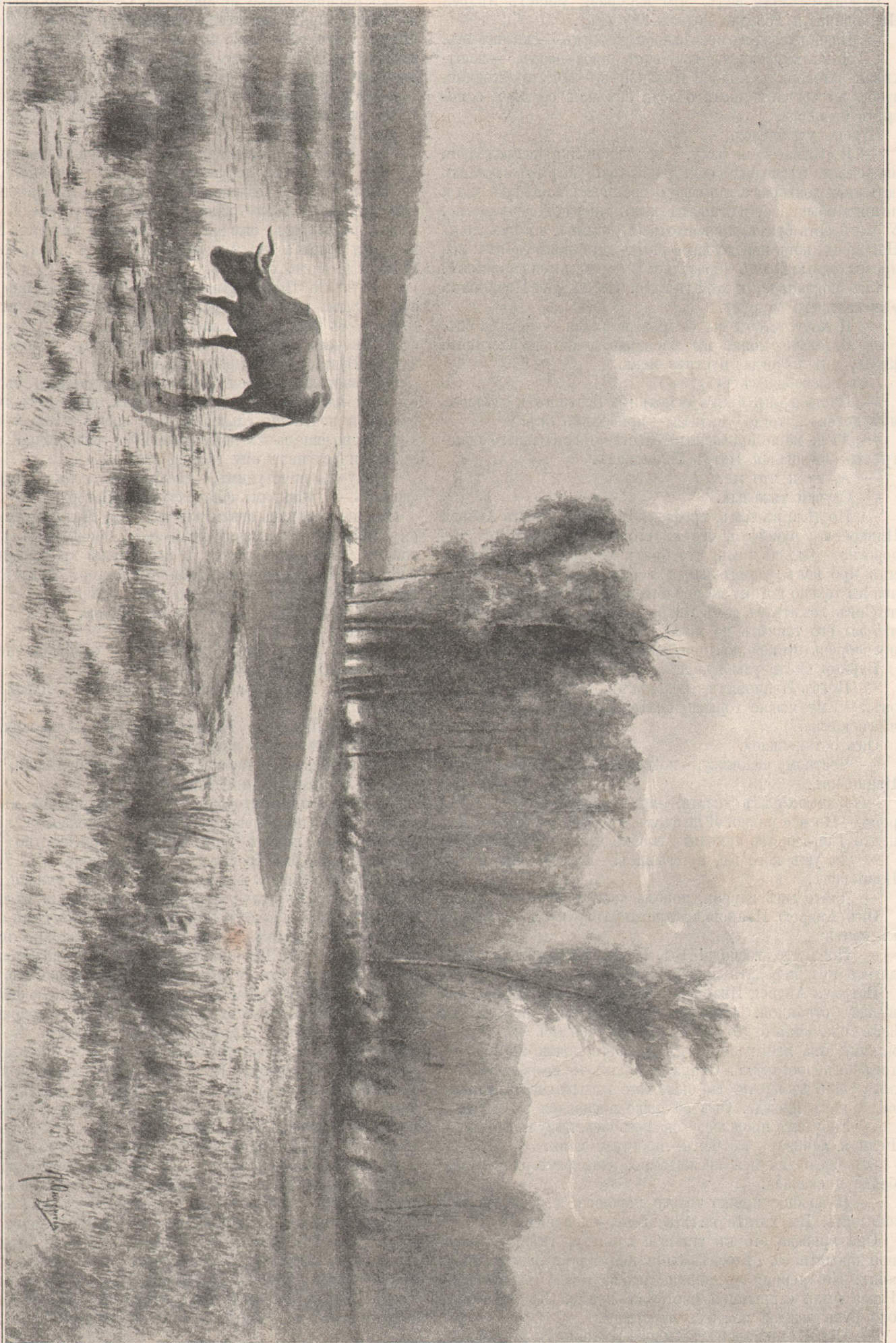
— А вы противъ ваннъ?—освѣдомился Андрей Ивановичъ.

— Да, я противъ. Хотя вотъ Петръ Ивановичъ лѣчитъ съ успѣхомъ и ваннами.

Онъ пощупалъ и печень, и селезенку и кишки, спросилъ о ледяныхъ компрессахъ.

— Видите ли,—заговорилъ онъ, отваливаясь въ креслахъ.—Ни одинъ врачъ вамъ ничего не скажетъ, каковъ можетъ быть исходъ этой болѣзни. Неизвѣстно даже, который день онъ боленъ. Но несомнѣнно, что тутъ и простуда и нервное потрясеніе. Когда я учился, меня увѣрили, что въ этихъ случаяхъ надо давать каломель. Но я противъ каломеля. Всѣ тифы проходятъ сами собой, если натура крѣпкая. Если же натура слабая—то наступаетъ смерть. Въ данномъ случаѣ, мнѣ кажется, натура здоровая, хотя и потрясена она здорово. Первымъ дѣломъ, возьмите у насъ изъ больницы хорошую сидѣлку. Во-вторыхъ, оставьте мальчика всѣми ухищреніями науки. А главное, хорошій чистый воздухъ. Комната здѣсь чудесная, и не трогайте его отсюда. Посмотримъ, что будетъ къ вечеру. Петръ Ивановичъ хорошій врачъ, положитесь на него. Я могу съ нимъ неладить, болѣе того: находить его невыносимымъ человѣкомъ, не желать служить съ нимъ, но отдавать должное его способностямъ я считаю для себя обязательнымъ. Если бы явилось осложненіе: ну, ослабленіе дѣятельности сердца,—дайте шампанскаго. Я очень стою за шампанское. Я противъ того, чтобы пить его часто, безъ надобности. Но при острыхъ заболѣваніяхъ—это удивительное средство. Въ этихъ играющихъ пузырькахъ, въ этомъ виноградномъ сокѣ—благороднѣйшаго изъ сортовъ винограда—скрыта страшная сила. Шарикъ нашей крови встрѣчаютъ этотъ сокъ, какъ утомленные боемъ солдаты могутъ встрѣтить новую, свѣжую фалангу резерва...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Затишье. Рис. Н. Онуфриевой, арт. «Нива».

Косари въ Малороссіи. Картина К. Я. Крыжицкаго, авт. «Нивы».

Двѣ зари

I

Заря надъ лѣсомъ догораетъ,
Послѣдній отблескъ золотой
Еще трепещетъ и мерцаетъ
Сквозь вѣтви заросли густой...
То голубой, то блѣдно-синій—
Мѣняетъ краски небосклонъ;
«Прекрасной матерью-пустыней»
Склонился лѣсъ со всѣхъ сторонъ...
Иду безлюдною дорогой,—
Все глубже даль, все тише близъ,
Простился день съ былой тревогой,
Порывы вѣтра унялись,—
Какъ будто онъ не смѣетъ даже
Смутить природы всей покой
И всталъ молитвенно на стражѣ
Передъ вечерней тишиной..

II

На смѣну одной заалѣла другая—
Предвѣстница утра—заря огневая;

И обѣ надъ моремъ лазурнымъ сошлись,—
И вспыхнула бездна, и вспыхнула высь..
Все замерло въ томномъ объятіи этомъ,
Зажглось возрожденнымъ, живительнымъ свѣтомъ,
Таинственнымъ свѣтомъ любви міровой
Надъ сумракомъ жизни, надъ злобой дневной...
Охваченъ восторгомъ, мечтой одинокой,
Виталь я надъ тайной природы глубокой,
И было такъ жутко, такъ радостно мнѣ,
Какъ будто въ какомъ-то чарующемъ снѣ..
Вдругъ тихо всплеснулась волна, за волною
Другія помчались волны гурьбою,
Вдали закружился пѣнистый валъ,
И—утренній море запѣло хоралъ...
За звуками звуки лились по простору,
И вторило сердце могучему хору:
«Привѣтъ тебѣ, вѣчное солнце, привѣтъ!
Разсѣялся сумракъ... Да здравствуетъ свѣтъ!..»

Аполлонъ Коринфскій.

Кладоискатель.

Японская сказка.

I

Окама, веселая богиня счастья, не улыбалась темнорусому сыну Иракко, а въ довершение всего, когда Йори, однажды вечеромъ, вышелъ отъ своихъ друзей, въ карманахъ которыхъ онъ оставилъ содержимое своихъ кармановъ и гдѣ при томъ было выпито безчисленное множество чашекъ саки, дождь лилъ, какъ изъ ведра. Жаркій день окончился страшной грозой.

Надѣвъ свой плащъ и вооружившись зонтикомъ, молодой дайміо достигъ площади Гюго-Кабу, чтобы отыскать подъ кровлей своего дома убѣжище и постель, въ которой онъ могъ бы, безъ сомнѣнія, забыть о своей неудачѣ, во снѣ, наполненномъ болѣе розовыми грезами, чѣмъ дѣйствительная жизнь.

Но подлѣ дверей его дворца маленький рыбакъ, исполнявшій обыкновенно роль разсылнаго, остановилъ его, протянувъ ему подъ проливнымъ дождемъ свертокъ бумаги.

— Безъ тебя, Йори, приходилъ посланный, который передавъ мнѣ это для врученія тебѣ,—сказалъ онъ.

Молодой дайміо нахмурилъ брови.

Послание было отъ управляющаго, человѣка тяжелого и сухого, какъ по ремеслу, такъ и по обхожденію; оно должно было содержать, какъ и всегда, выговоръ и неприятныя замѣчанія въ отвѣтъ на настойчивое требованіе денегъ.

— Прочтемъ,—сказалъ Йори:—такъ какъ сегодня весь день меня преслѣдуютъ неудачи, то нужно выпить до дна всю чашу горячи.

«Йори, сынъ Иракко,—писалъ почтенный управитель:—ты расточаешь слишкомъ широко отцовское наслѣдство; золото существуетъ для того, чтобы приносить пользу въ благоразумныхъ рукахъ, а не для того, чтобы разбрасывать его по дорогамъ; кто засѣваетъ солончаки, не получаетъ риса...»

— Хорошо, хорошо, старый дуракъ,—нетерпѣливо проворчалъ Йори:—все это намъ извѣстно. Что же тебѣ отъ меня нужно?

И, пробѣжавъ до конца глазами записку, онъ съ ужасомъ прочелъ: «Поэтому-то, продавъ, до твоему приказанію, твое имѣніе Осака, твое послѣднее имѣніе, Йори, и пославъ тебѣ деньги, мы прикончили все; ты разоренъ, а я, твой управляющій, остаюсь на солонѣ».

Йори былъ пораженъ; онъ начиналъ перечитывать вновь нѣсколько разъ эту послѣднюю фразу... Какъ? Послѣднее изъ цѣлыхъ тридцати имѣній, унаслѣдованныхъ имъ отъ отца?

Это невозможно!

Молодой человѣкъ началъ собирать въ своей уставшей головѣ воспоминанія и быстро подводилъ общій итогъ всему тому, что онъ распродалъ въ столь короткій промежутокъ времени.

Да, дѣйствительно, правда. Эта земля, потомъ та, и Осака, самая лучшая изъ всѣхъ. И вотъ, когда онъ ясно понял, что онъ разоренъ, онъ почувствовалъ, что весь хмель разомъ вылетѣлъ изъ его головы. Въ его вискахъ стучало, и потъ выступалъ на лбу. Сильныя впечатлѣнія дѣйствуютъ различно у людей разныхъ темпераментовъ: однимъ становится холодно, другимъ жарко.

Йори было очень жарко. Въ довершеніе всего, ночь сдѣлалась совершенно ясной, и луна, казалось, насмѣхалась надъ несчастіемъ молодого человѣка, проглядывая сквозь вѣтви деревьевъ.

Усѣвшись на берегу, въ виду огромнаго моря, волны котораго плескались у его ногъ съ монотоннымъ и печальнымъ шумомъ, онъ старался побороть свою лихорадку и собраться съ мыслями.

Ударъ былъ столько же силенъ, сколько и неожиданъ; какъ поправить дѣло?

Вдругъ лицо дайміо просвѣтлѣло улыбкой.

— Ба!—сказалъ онъ:—я разоренъ, но красавица Никко-Сума, прекрасная вдовушка, моя сосѣдка, развѣ не должна выйти за меня замужъ? Она богата и любитъ меня; что для нея значать нѣсколько тысячъ золотыхъ іенъ?

Приказавъ принести себѣ письменныя принадлежности, онъ съ увѣренностью написалъ ей слѣдующее:

«О, Никко, красота которой болѣе ослѣпительна, чѣмъ свѣтъ солнца, имя котораго ты носишь! Йори, твой возлюбленный, въ несчастіи. Но въ своемъ горѣ онъ думаетъ только объ одной тебѣ; деньги для него не значать ничего, потому что у него есть твоя любовь».

Довольный удачнымъ оборотомъ своей галантной записки, онъ приказалъ отнести ее по назначенію при восходѣ солнца и, растинувшись на своей постели, крѣпко заснулъ.

II

Никко подмалевывала свои брови передъ зеркаломъ, которое держала передъ нею служанка, когда ей подали письмо. Когда она его прочла, презрительная складка появилась на уголѣ ея рта; нѣсколько мгновений она оставалась въ размышленіи, потомъ, твердой рукою придвинувъ къ себѣ маленький столикъ, она написала на раздушенной рисовой бумагѣ слѣдующее:

«Совмѣстная жизнь пріятна для обоихъ, но только тогда, когда она окружена золотомъ и шелкомъ. А такъ какъ ты сдѣлался бѣденъ, я не люблю тебя болѣе; лучше ужъ ты одинъ страдай. Прощай, Йори».

Потомъ въ post-scriptum (о, это post-scriptum!) она прибавила: «Попробуй добыть сокровища Азамы; мнѣ кажется, что я люблю тебя, если ты принесешь ихъ мнѣ».

Добыть сокровища Азамы—это все равно, что *поймать луну за рога*.

Прекрасная вдовушка къ своему жестокому бездушію прибавила еще иронию.

Она красиво расчеркнулась, потомъ, снова подсѣвъ къ своему зеркалу, начала наводить на свои губы золотистую янтарную тинктуру.

Получивъ отвѣтъ Никко-Сумы, Йори хотѣлъ сначала покончить съ собой, но, вспомнивъ, что подобное непоправимое дѣло не должно приводить въ исполненіе безъ тщательнаго размышленія, онъ отложилъ его до завтра.

III

На слѣдующій день, когда онъ проснулся, первая его мысль была не о самоубійствѣ, но объ ироническомъ post-scriptum прекрасной вдовушки. «Возвращайся съ сокровищами Азамы»,—сказала Никко. Молодой человѣкъ и самъ часто повторялъ эту фразу, но ему никогда не приходилось размышлять объ ея дѣйствительномъ значеніи и о происхожденіи этой поговорки.

Азама-Яма одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ вулкановъ на островѣ Гондо. Но служить излюбленнымъ мѣстомъ поклоненій, и возлѣ его подошвы построено нѣсколько храмовъ. Вершина же его совершенно неизвѣстна, потому что религіозный страхъ удерживаетъ тѣхъ, которые могли бы подняться по его скатамъ. Кромѣ того, нѣтъ ни слѣда какой-либо тропинки между скалами, никакой замѣтной точки, но тамъ и сямъ пропасти съ зияющими днами, ды-

мящаяся расщелины, иногда скрытая под пепломъ, а еще выше развѣстый кратеръ, вѣчно покрытый облаками. Поистинѣ, мѣсто, удобное для того, чтобы прятать тамъ сокровища отъ глазъ непосвященныхъ!

Но откуда идти эта молва? Не основывается ли эта вѣра въ невидимыя, скрытыя богатства на дѣйствительномъ фактѣ?

Иори часто приходилось слышать эту легенду; обѣ этихъ сокровищахъ пѣли бродячіе пѣвцы. Но у него не осталось въ памяти ни одного стиха изъ нея; насколько онъ припоминалъ, тамъ были довольно любопытныя подробности, можетъ-быть, даже точныя указанія. Развѣ преданія, которыя передаются изъ вѣка въ вѣкъ, и которымъ уже никто не придаетъ никакого значенія, не основываются на дѣйствительности? Почему не можетъ быть того же самаго и съ этими пресловутыми сокровищами Азамы, о которыхъ говорятъ всѣ, не вѣра въ нихъ?

Нужно было сначала разузнать эту легенду.

Собравъ въ небольшой узелокъ все то, что онъ не желалъ оставлять своимъ кредиторамъ, молодой дайміо съ облегченнымъ сердцемъ, полнымъ любви и надежды, вышелъ изъ дома, который онъ называлъ своимъ. Онъ все-таки продолжалъ любить эту жестокоую Никко, показавшую ему такъ мало сердца.

«Она права, — размыслилъ онъ: — я могу устроить свое хозяйство только съ сокровищами Азамы».

Можно было дѣйствительно подумать, что онъ уже близокъ къ тому, чтобы завладѣть ими, между тѣмъ, онъ даже не былъ увѣренъ въ томъ, существуютъ ли они.

IV.

Иори много помогъ случай, покровительствующій влюбленнымъ, потому что вечеромъ онъ встрѣтилъ нужныхъ ему бродячихъ пѣвцовъ, которыхъ онъ такъ желалъ слушать, и за одинъ сапекъ онъ узналъ легенду.

Это была безконечная поэма, въ которой рассказывались съ малѣйшими подробностями приключенія молодого человѣка, достигшаго, благодаря подаренному ему однимъ волшебникомъ талисману, вершины Азама. Края вулкана разступились передъ нимъ, и онъ вынесъ оттуда безцѣнный богатства.

Скупой, жадный и злой старикъ, узнавъ объ его успѣхѣхъ, вздумалъ насильно овладѣть волшебнымъ талисманомъ, но онъ нашелъ кратеръ совершенно голымъ и неприступнымъ; тамъ онъ упалъ въ пропасть, разбился и изуродовался. Каждая строфа заканчивалась загадочнымъ призывомъ:

«Много сокровищъ скрыто въ Азамѣ; но то, что хорошо для одного, гибельно для другого. Смѣлый путникъ, берегись за свой выборъ!»

Пѣсня стояла всего только одинъ сапекъ, но ея указанія для Иори были очень смутны. Что касается сокровищъ, она ничего не утверждала и не называла даже, какой былъ талисманъ, необходимый для того, чтобы открыть дорогу. Какъ его добыть? Гдѣ отыскать таинственнаго хранителя этого драгоценнаго *сезама*?

Въ Японіи нѣтъ недостатка въ колдунахъ; къ нимъ обращаются тамъ, какъ къ нотаріусамъ или врачамъ.

Молодой человѣкъ долженъ былъ издержать еще одну маленькую монетку, чтобы получить адресъ самаго знаменитаго въ этой мѣстности колдуна. Его намѣреніе, о которомъ онъ проговорился во время своихъ разпросовъ лицамъ, собравшимся послушать пѣніе музыкантовъ, вызвало улыбки сожалѣнія на губахъ всѣхъ.

«Еще нашелся одинъ безумецъ, повѣрившій словамъ сказки», — говорили они.

V.

Колдунъ, уродливый и имѣющій обыкновеніе говорить притчами, съѣвъ на своего символическаго оленя, долго размыслилъ, устремивъ глаза къ небу и погружившись въ созерцаніе божества, у котораго онъ спрашивалъ совѣта.

— Дитя мое, — сказалъ онъ наконецъ: — уже нѣсколько разъ люди приходили ко мнѣ спрашивать дорогу на Азаму; одни изъ нихъ совсѣмъ не возвратились, — эти, безъ сомнѣнія, наиболѣе счастливы; другихъ я встрѣчалъ идущими подъ конвоемъ, — они сдѣлались ворами или убійцами, или скандалистами, или умъ ихъ покинулъ свою смертную оболочку, чтобы остаться на вершинѣ вулкана. Словомъ, всѣ тѣ, которые обречены искать эти сокровища — или безумцы или люди безчестные.

— Я не безумный и не негодяй, — сказалъ Иори: — я несчастный.

И онъ рассказалъ колдуну свою исторію.

— Значитъ, ты очень любишь эту женщину? — спросилъ колдунъ.

— Настолько, насколько возможно любить.

— Хорошо, хотя ты и дѣлаешь безуміе, безъ всякаго сомнѣнія, я все-таки хочу быть тебѣ полезнымъ. Единственный талисманъ, который можетъ помочь тебѣ въ твоемъ предпріятіи — это вѣтка махровой глицинии. Но махровая глицинія — это почти несуществующая рѣдкость, которую ты напрасно можешь проискать своими слабыми глазами смертнаго въ продолженіе многихъ лѣтъ. Но въ священномъ болотѣ Томиака ты найдешь сѣраго жаворонка, который только одинъ отыскиваетъ эти растенія для своего гнѣзда. Сумѣй отнять у него вѣтку въ то самое время, когда онъ летитъ съ нею, но самое главное, остерегайся убить или ранить какимъ бы то ни было образомъ птичку; не нужно отнимать жизнь у животнаго, которое тебѣ полезно.

Когда молодой человѣкъ началъ его благодарить, колдунъ добавилъ:

— Замѣть: я мудрецъ, а не колдунъ. Ты пускаешься въ очень

далекій путь отыскивать свое счастье, когда оно, безъ сомнѣнія, находится подлѣ тебя. Смотри лучше себѣ подѣ ноги, чѣмъ блуждать глазами по вершинамъ Азамы, потому что ты, можетъ-быть, проходишь мимо сокровища, а жизнь назадъ не возвращается.

VI.

Въ продолженіе трехъ дней Иори стоялъ по колѣно въ водѣ, ожидая полета сѣраго жаворонка къ своему гнѣзду, и пока еще ничего не добылъ, кромѣ ревматизма и насморка.

Случайные прохожіе около болота Томиака были заинтригованы таинственными поступками этого человѣка, стоявшаго на стражѣ, съ безпокойнымъ, устремленнымъ къ горизонту взглядомъ, съ наклоненнымъ впередъ корпусомъ, какъ бы нацѣливагося и державшаго въ рукахъ зонтикъ.

Да, вы прочли совершенно вѣрно: зонтикъ.

Ахъ, это была цѣлая романическая исторія, плодъ зрѣлыхъ размышленій и терпѣливыхъ изысканій... которая, впрочемъ, еще не пришла къ концу.

Вы желаете знать загадку этой таинственной исторіи? Извольте. Расположившись въ виду вулкана, въ гостиницѣ «Цвѣтущій розовый кустъ», Иори оказалась въ затруднительномъ положеніи съ первыхъ же шаговъ при достиженіи своей цѣли. Какъ взять у птицы въ воздухѣ вѣтку глицинии, которую она несетъ въ своемъ клювѣ, и при томъ такъ, чтобы ее самое не трогать и чтобы вѣтка не была загрязнена отъ соприкосновенія съ гнѣздомъ?

Трудная задача! Настолько трудная, что дайміо въ отчаяніи готовъ былъ предаться всѣмъ чертямъ японскаго ада.

Находясь въ такомъ положеніи, онъ не обращалъ никакого вниманія на маленькія продѣлки очаровательной Нарей, дочери хозяина гостиницы; между тѣмъ какъ послѣдняя, въ своей беззаботной веселости пятнадцатилѣтней дѣвочки, кружилась вокругъ него съ подвижностью бумажной бабочки передъ вѣромъ фокусника. Очевидно, Иори интересовалъ ее, можетъ-быть, гораздо болѣе, чѣмъ она сама себѣ хотѣла въ этомъ признаться.

И вотъ, видя его постоянно грустнымъ и озабоченнымъ, она спросила у него о причинѣ его печали.

— Я влюбленъ въ Никко, моя прелестная озабоченность, — отвѣтилъ онъ, не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности: — но чтобы ей понравиться, мнѣ необходимо овладѣть вѣткой махровой глицинии, которую носитъ въ клювѣ сѣрый жаворонокъ.

— Безъ сомнѣнія, Никко очень хороша для того, чтобы быть любимой тобою, — сказала молодая дѣвочка съ тяжелымъ вздохомъ.

— Но я не знаю, — возразилъ Иори: — какъ добыть эту вѣтку, не убивая птичку, которую мнѣ не хотѣлось бы трогать. Вотъ почему я такъ озабоченъ.

— Значитъ, ты ожидаешь очень многого отъ этой вѣтки глицинии?

— О, отъ этого зависитъ вся моя жизнь!

— Я понимаю тебя, — сказала Нарей. — Когда любить, способны на все!

И ея прекрасные глазки затуманились; даже видно было, какъ слезинка заблестѣла на ея зрачкахъ, опухенныхъ длинными, черными рѣсницами, точно капли утренней росы на листь золотцацвѣта. Она вдругъ повернулась и ушла.

На слѣдующій день, едва занялась заря, она, весело хлопая въ ладоши, разбудила своего гуся.

— Мнѣ пришло на умъ воспоминаніе дѣтства, — сказала она. — Мнѣ подарили большой красный солнечный зонтикъ, и я гордо прогуливалась съ нимъ на солнцѣ, держа въ рукѣ булку, намазанную медомъ, когда вдругъ на мою булочку бросилась собака и утащила ее у меня, но, будучи прижата къ углу одного дома, она не могла убѣжать; я же, стоя передъ ней, не знала, какъ отнять у нея мою булочку, не будучи укушенной ею, какъ вдругъ меня осянула мысль раскрыть передъ глазами собаки свой красный зонтикъ. Испуганная этимъ, она оставила свою добычу и убѣжала. Почему не испытать бы и тебѣ это средство?

— Но птичка увидитъ меня издали съ моимъ зонтикомъ и испугается.

— Держи его закрытымъ и раскрой внезапно, когда жаворонокъ будетъ пролетать мимо; я увѣрена, что ты будешь имѣть успѣхъ.

И вотъ молодой человѣкъ послѣдовалъ этому совѣту къ великому изумленію тѣхъ, которые не знали его дѣйствительныхъ намѣреній. Но до сихъ поръ ему доставало птички, или, если онъ видѣлъ жаворонковъ, они занимались не устройствомъ своихъ гнѣздъ, а ловлей добычи.

Для чего же онъ старался? Его богатства казались ему чрезвычайно далеко, а съ ними вмѣстѣ исчезала и красавица Никко съ ея дивными рѣсницами, окаймленными черною краской.

Отчего, однако, зависитъ любовь? Отъ разбитаго состоянія!

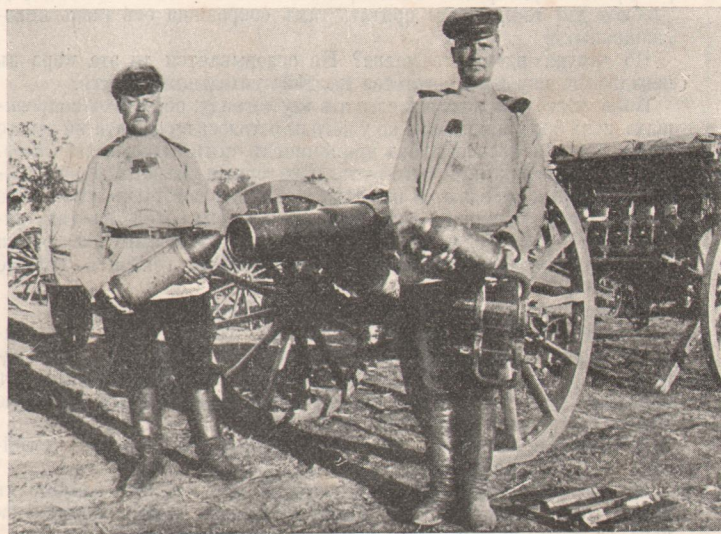
Наконецъ, на четвертый день, съ восходомъ зари, — въ самый удобный часъ для постройки гнѣзда, быстро промелькнулъ жаворонокъ, неся въ своемъ клювѣ вѣтку, зеленые листья которой ярко блестя на солнцѣ. Иори съ шумомъ раскрылъ свой зонтикъ; вѣтка ушла: талисманъ былъ въ его рукахъ.

VII.

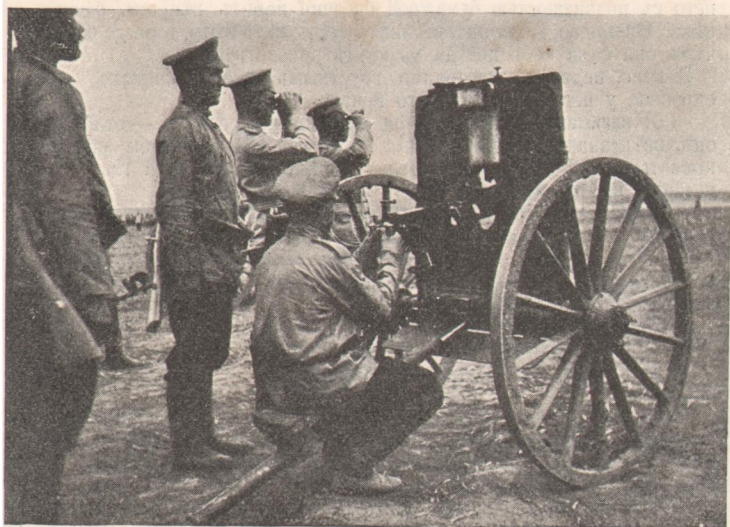
Что теперь дѣлать? Когда первая радость прошла, онъ пришелъ къ тому заключенію, что въ сущности онъ ни на шагъ не подвинулся впередъ; онъ совсѣмъ не знаетъ, ни гдѣ былъ кладъ, если онъ существовалъ вообще, ни какъ имъ овладѣть, ни даже дорогу, которая вела къ его таинственному мѣстопохожденію. Нужно было сначала подняться до кратера. Но склоны горы были обрывисты и, какъ

На позиции. Установка пулемета передь атакой неприятеля.
По фот. нашего специального корреспондента В. Табурина,
авт. «Нивы».

Снаряды полевой мортиры. Шрапнель и граната.
По фот. нашего специального корреспондента В. Табурина,
авт. «Нивы».

На позиции. Пулеметъ.
По фот. нашего специального корреспондента В. Табурина,
авт. «Нивы».

Полевая мортира (6-ти дюймовая) и командиръ 3-й батареи подполковникъ
Федоровъ.
По фот. нашего специального корреспондента В. Табурина,
авт. «Нивы».

На позиции Въ ожиданіи неприятеля.
По фот. нашего специального корреспондента В. Табурина,
авт. «Нивы».

На позиции. Станція полевого телефона.
По фот. нашего специального корреспондента В. Табурина,
авт. «Нивы».

На передовой позиции. Тревога.

По фот. нашего специального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

На позиции. Рытье волчьих ямъ.

По фот. нашего специального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

На передовой позиции. Перестрѣлка. Первый раненый.

По фот. нашего специального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

На позиции. Рытье окоповъ.

По фот. нашего специального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

Атака черезъ проволочныя заграждения и волчьи ямы.

По фот. нашего специального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

Атака черезъ проволочныя заграждения и волчьи ямы.

По фот. нашего специального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

Главнокомандующий у своего поезда на ст. Годзядянъ.
По фот. нашего специального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

тайну, скрывали вершину от посѣтителей, ни одного слѣда какой-либо тропинки тамъ замѣтно не было. Однако, нѣкоторые крестьяне, какъ ему рассказывали, иногда отваживались собирать тамъ травы, но они скрывали это и не признавались въ этомъ добровольно, не желая казаться бравирующими передъ богами или передъ злыми духами. Если Йори нужно было добыть полезныя свѣдѣнія, то развѣ только отъ этихъ рѣдкихъ людей, посвященныхъ въ тайну, онъ могъ получить ихъ.

И вотъ, въ продолженіе нѣсколькихъ дней онъ осторожно разыскивалъ проводника; но всѣ отказывались съ священнымъ ужасомъ; однажды утромъ онъ одинъ направился въ горы, но заблудился и возвратился въ гостиницу «Цвѣтущій розовый кустъ», измученный и обезкураженный, только къ вечеру. Нарей тотчасъ же поспѣшила къ нему на помощь.

— Отчего, Йори, ты опять такъ печаленъ? Вѣдь ты приобрѣлъ то, что тебѣ было нужно; почему ты не отправляешься?

Молодой человѣкъ рѣшился все ей рассказать; всѣ свои денежныя затрудненія и любовь, свои надежды и свои неудачи.

— Послушай,—сказала Нарей серьезнымъ тономъ;—когда я была совсѣмъ еще ребенкомъ, я беззаботно бѣгала по самымъ удивительнымъ уголкамъ этой горы; никто лучше меня ее не знаетъ; я никогда ничего не встрѣчала и не видала, что могло бы тамъ меня беспокоить. Но когда, выросши большой, я узнала всѣ фантастическія легенды про страшныхъ духовъ вулкана, я стала испытывать, какъ и всѣ меня окружающіе, суевѣрный страхъ. Однако, хотя я и знаю, что твое желаніе—чистое безуміе, я доведу тебя до вершины, потому что ты несчастенъ и потому, что я хочу видѣть, чтобы счастье блестѣло въ твоихъ глазахъ такъ же, какъ и въ тотъ день, когда ты принесъ сюда свой талисманъ.

VIII.

На слѣдующій день они отправились. Йори перемѣнилъ свои деревянные сандалии на болѣе удобную обувь для хожденія въ горахъ, а Нарей накиннула на свое прекрасное голубое платье, обшитое драконами изъ желтаго шелка, темную мантилью, чтобы менѣе обращать на себя вниманіе прохожихъ.

Это былъ длинный и утомительный подъемъ. Вулканъ, во время прежней періодической своей дѣятельности, выкинулъ громадныя глыбы камня, которыя были нагромождены на этихъ отлогостяхъ, и необходимо было безпрестанно ихъ обходить или перелѣзать черезъ нихъ. Не разъ наши оба путешественника должны были спускаться обратно и снова подниматься, потому что непреодолимыя преграды становились на ихъ пути. Земля, покрытая однообразнаго цвѣта иепломъ, утомляла глаза; зной былъ нестерпимъ, и часто ихъ охватывало головокруженіе. Но никакое препятствіе не

останавливало ихъ. Въ особенности болѣе слабая Нарей оказывалась неутомимой; напротивъ, въ болѣе опасныхъ проходахъ, она поддерживала своего спутника, ободрала его своею увѣренностью и веселостью.

Наконецъ, они достигли кратера. Предчувствіе, впрочемъ вполне согласовавшееся съ легендою, говорило Йори, что тамъ онъ найдетъ ключъ отъ тайны, но тамъ не оказывалось никакого указанія: большая воронка съ красноватыми краями, въ глубинѣ затѣненная голубоватою тѣнью, откуда поднимался неровными толчками легкой паръ, точно выкидываемый изъ глубины посредствомъ гигантскаго поршня.

Нечего было и думать спуститься въ эту бездну. Стѣны были отвѣсны, и даже на веревкѣ невозможно было далеко опуститься, не рискуя быть задушеннымъ дымомъ, какъ слабъ онъ ни казался.

Сѣвъ на краю кратера, Йори предался отчаянію; Нарей же съ упорной увѣренностью осматривала окрестности, отказываясь вѣрить, чтобы столь трудныя изысканія остались безъ всякаго результата.

Вдругъ она позвала своего спутника и попросила его внимательно взглянуть въ широкую расщелину, змѣвную по вершинѣ горы.

— Взгляни-ка, точно какъ будто въ скалахъ высѣчены ступеньки,—сказала она.

— Ты думаешь?

— А вотъ увидишь; я буду спускаться, а ты слѣдуй за мной.

Въ самомъ дѣлѣ, пройдя очень узкимъ проходомъ, они очутились въ какомъ-то воронкообразномъ углубленіи, гдѣ спускъ облегчался ловко вытесанными ступеньками.

Внизу этого колодца находилась широкая круглая площадка, тамъ и сама освѣщенная свѣтомъ, выходящимъ изъ щелей, сообщавшихся съ наружною. Они пошли по ней и, послѣ нѣсколькихъ минутъ ходьбы, ихъ путь былъ прегражденъ глубокой пропастью, поверхъ которой былъ перекинутъ мостикъ; на самомъ концѣ оказалась громадная дверь,—болѣе чудной работы, чѣмъ дверь *Сиро Соуи* въ Иеддо,—ведущая во дворецъ горныхъ духовъ и безъ сомнѣнія къ сокровищамъ Азамы. Легенда говорила правду.

Посреди моста стоялъ воинъ, съ саблей и огромнымъ копьемъ, въ небрежной позѣ стража, не привыкшаго часто видать посѣтителей.

— Что вамъ нужно?—грубо спросилъ онъ.

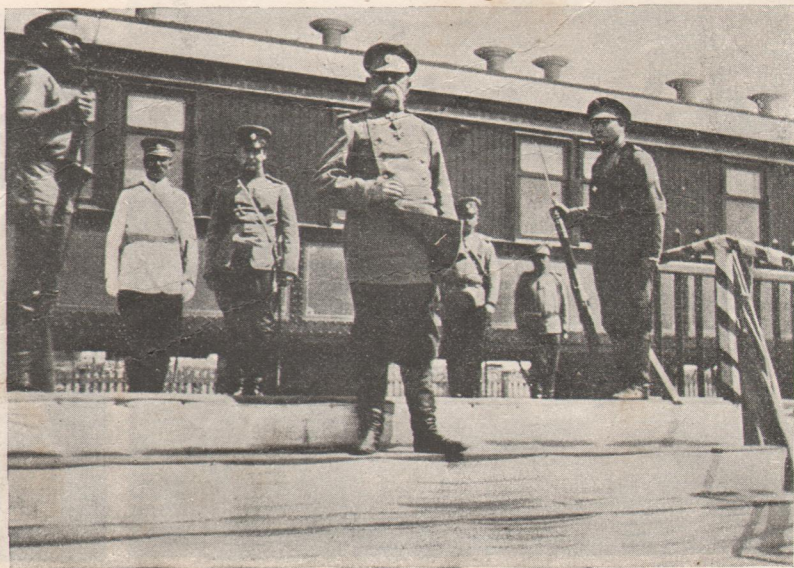
— Намъ надо видѣть властителя Азамы,—отвѣтилъ Йори, показывая свой талисманъ.

Стражъ свистнулъ; тотчасъ же появился маленькій безобразный карликъ и, узнавъ о желаніи вновь прибывшихъ, онъ молча повелъ ихъ, проводя по богато убраннымъ комнатамъ, въ тронную залу, гдѣ алмазы и брильянты по стѣнамъ были вправлены въ самые драгоценныя металлы. Ничто не могло сравниться съ необыкновенной роскошью этого дворца, всего залитаго блескомъ и сіяніемъ огней. Нарей, какъ женщина, не могла не восторгаться всѣмъ, виданнымъ ею. Отвратительная личность, огромная и толстая, съ выпученными глазами, съ ногами, продѣтыми въ рукава куртки, съ всклокоченной бородой и отвислыми губами, сидѣла передъ блюдомъ риса и чашкою саки, на лакированной эстрадѣ, превосходившей своимъ великолѣпіемъ все, до сихъ поръ видѣнное ими.

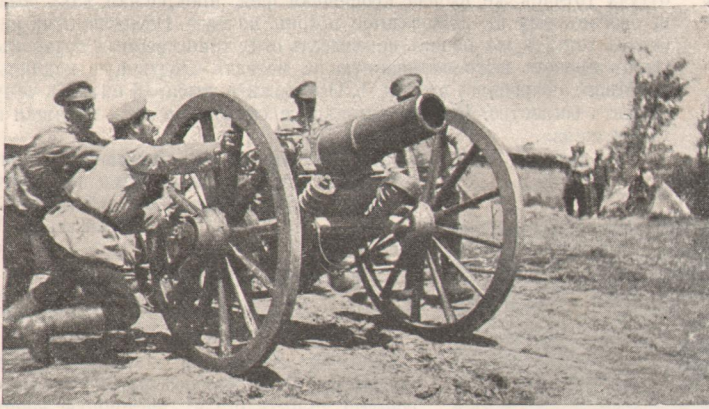
Это былъ самъ властитель.

— Ты желалъ меня видѣть?—спросилъ онъ у Йори.—Что тебѣ отъ меня нужно?

Йори немного былъ сбитъ съ толку этимъ вопросомъ, поставленнымъ такъ прямо. Еще одна мелочь, о которой онъ совсѣмъ не подумалъ! Нельзя приходить къ могущественному духу затѣмъ, чтобы безъ всякой причины требовать у него богатства.

Станція Годзядянъ. Главнокомандующий у своего поезда.
По фот. нашего специального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы»

Мортира въ моментъ выстрѣла. Накатываніе орудія.

По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

Сначала онъ думалъ объ одномъ, какъ бы завладѣть талисманомъ; потомъ—какъ достигнуть кратера; затѣмъ весь его умъ былъ погруженъ въ опасности, въ утомительное путешествіе. Но о томъ, что онъ скажетъ, когда очутится въ присутствіи горнаго духа, онъ ни разу не подумалъ.

И вотъ, къ нему прямо обратились съ вопросомъ, зачѣмъ онъ пришелъ.

— Чего же тебѣ отъ меня, наконецъ, нужно?—нетерпѣливо повторилъ горный духъ.

— Я люблю одну молодую дѣвушку!—сказалъ Йори:—но я разорился и сдѣлался слишкомъ бѣденъ, чтобы могъ на ней жениться. Владыка, я надѣялся, что ты снизойдешь къ моему несчастью и позволишь мнѣ воспользо­ваться изъ этихъ богатствъ Азамы, о которыхъ такъ много говорятъ въ моей странѣ; одна маленькая частичка изъ нихъ могла бы составить счастье двухъ существъ на землѣ и нисколько не обдѣлить тебя.

Горный духъ ни минуты не усомнился въ томъ, что Нарей была той счастливой смертной, которая должна была составить счастье Йори. Онъ долго смотрѣлъ на нее и, казалось, находилъ удовольствіе въ созерцаніи ея чудныхъ волосъ, ея продолговатыхъ черныхъ глазъ, ея бѣлаго, точно цвѣтъ вишни въ апрѣлѣ, цвѣта лица, потомъ съ лукавой улыбкой онъ сказалъ Йори:

— Прежде чѣмъ просить богатства у боговъ, ты безъ сомнѣнія можешь пожаловаться на людей, которые оставили безъ вознагражденія твою полезную работу, твои таланты? Какое твое ремесло?

— Я ничѣмъ не занимался,—конфузливо отвѣтилъ Йори.

— А!... тогда, значить, ты сдѣлалъ благородное употребленіе изъ своихъ имѣній: ты помогалъ бѣднымъ, основывалъ госпитали, одо­жалъ значительныя суммы своему князю на веденіе войны, или можетъ-быть, на снаряженіе флота, или построилъ арсеналъ? Не правда ли, вѣдь на подобныя пожертвованія ты растратилъ свои деньги?

— Я проигралъ ихъ,—отвѣтилъ Йори такимъ тихимъ голосомъ, что едва можно было слышать.

— Но если ты ничего не искалъ у людей, что мнѣ ты принесъ, чтобы претендовать на мои богатства? Твой отецъ оставилъ тебѣ въ наслѣдство капиталъ, ты его расточилъ, и теперь, вмѣсто того, чтобы стараться работой и трудомъ вновь его приобрести, ты предпочитаешь искать приключенія? Отвѣчай: это, что ли, все, что ты предлагаешь мнѣ въ обмѣнъ за мои сокровища?

Йори ничего не могъ отвѣтить и молчалъ.

— Я уже не мало видалъ до тебя,—продолжалъ горный духъ:—такихъ же, какъ ты, бѣдныхъ на хорошія дѣла и богатыхъ само­мнѣніемъ. Но ты сверхъ всего владѣешь еще сокровищемъ, которое въ моихъ глазахъ стоитъ тѣхъ сокровищъ, которыхъ и тебѣ могу дать. Вотъ что я тебѣ предложу: ты будешь черпать обѣими руками изъ моихъ сундуковъ, и все то, что ты можешь унести, будетъ твоё; но за это ты оставишь здѣсь мнѣ эту молодую дѣвушку.

Йори подпрыгнулъ; но въ тотъ самый моментъ, какъ вскричать: «нѣтъ!»—онъ поколебался.

Да будетъ ему прощено это! Онъ видѣлъ, какъ одна за другой рушились всѣ его надежды, и вотъ теперь ему предложили все то, о чемъ онъ грезилъ, въ обмѣнъ за молодую дѣвушку, которую онъ едва зналъ, и къ которой не имѣлъ времени слишкомъ при­вязаться, несмотря на то, что она для него сдѣлала.

Однако же онъ разинулъ ротъ, чтобы протестовать, когда Нарей прервала его, сказавъ:

— Я согласна; я считаю себя довольной своимъ жре­біемъ.

Йори на минуту возмутился.

— Говорю тебѣ, я согласна,—повторила она.— Возвратись къ Никко съ этими столь желанными сокровищами, и будьте счастливы безъ меня. Что я буду дѣлать на землѣ одна, зная, что ты несчастенъ и безутѣшенъ? Что за бѣда, что одинъ изъ насъ будетъ несчастенъ; другой можетъ найти счастье въ самопожертвованіи. Иди, я остаюсь.

— Здѣсь все зависитъ отъ тебя,—добавилъ горный духъ:— выбери то, что тебѣ наиболѣе нравится. Одинъ изъ монахъ стражей проводить тебя потомъ до границъ моихъ владѣній.

И, схвативъ Нарей, которая упала безъ чувствъ отъ слишкомъ сильнаго потрясенія, онъ увлекъ ее за собой.

IX.

Обрадованный, и въ одно и то же время опечаленный, Йори пошелъ съ опущенною головою за стражемъ, который былъ весь увѣшанъ золотомъ, и который долженъ былъ ему показать сундуки, наполненные алмазами, рубинами, изумрудами и прочими драгоценными камнями, откуда молодой искатель приключеній могъ черпать полною рукой.

Онъ скоро оказался на склонахъ горы въ роскошномъ саду, гдѣ вѣтвистыя деревья защищали аллею отъ знойныхъ лучей солнца, уже склонявшася къ горизонту. Этотъ уединенный садъ казался мрачнымъ и печальнымъ, у Йори сжималось сердце при мысли о Нарей, а молчаніе его спутника всецѣло предоставляло его собственнымъ мыслямъ.

Наступилъ вечеръ, предметы полусѣнились; вдругъ, при поворотѣ къ одной тропинкѣ, быстро промелькнула чья-то бѣлая тѣнь въ сопровожденіи другой, черной тѣни. До слуха дайлю донесся крикъ:

— Прощай, Йори! Я тебѣ любила и умираю ради тебя!

Я тебя любила!.. Это магическое слово точно завѣсу раскрыло передъ глазами Йори. Въ одно мгновеніе онъ увидѣлъ всю свою прошлую бурную и бесполезную жизнь, непостоянную любовь Никко, ничтожество этой молодой вдовы, ея созрѣвшю и уже готовую завянуть красоту; онъ вспомнилъ также о неблагодарности своихъ друзей и бренности счастья, покоящася на материальномъ богатствѣ.

И рядомъ съ этимъ, милый образъ Нарей, въ послѣдній разъ взывавшей къ нему, ея истинную любовь, ея преданность, за которую онъ заплатилъ такой черной неблагодарностью.

— Остановитесь, остановитесь!—закричалъ Йори, побѣжавъ по дорогѣ, гдѣ исчезли молодая дѣвушка и ея похититель.

На позиціи. Разбивка волчьихъ ямъ.

По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

На позиціи. Сигнализанія флагами.

По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

— Я оставляю тебѣ твои брильянты и драгоценности, — кричалъ онъ владыкъ горныхъ духовъ:—они не стоятъ для меня сердца Нарей.

X.

Йори распродалъ остатки своего имѣнія. Продавъ нѣсколько дорогихъ бездѣлушекъ, сдѣлавшихся бесполезными въ его болѣе простой жизни, вытребовавъ обратно у своихъ прежнихъ друзей деньги, которыхъ онъ одолжалъ имъ въ болѣе счастливые годы, заставивъ своего управляющаго возвратить себѣ несправедливо накраденное имущество, онъ сумѣлъ устроить себя при помощи собственнаго труда. Въ хорошенкомъ домикѣ, гдѣ онъ поселилъ Нарейю, не было, какъ во времена его прошлаго блеска, трехъ дворовъ и трехъ корпусовъ зданій, украшенныхъ роскошнымъ крыльцомъ и наполненныхъ толпою слугъ и многочисленнымъ штатомъ людей, жаждающихъ наперерывъ поздравить своего господина съ добрымъ утромъ при его пробужденіи, въ его сѣняхъ, между двумя большими вазами со священными надписями на нихъ, призывавшими миръ на его домъ, не было болѣе козелъ, на которые даймю, возвращаясь, подвѣшивалъ свои сабли—его тогдашнюю славу и гордость,—такъ какъ онъ отказался отъ ранга, котораго не могъ болѣе поддерживать. Но какое до этого дѣло Йори! Чтобы быть счастливымъ, ему ничего теперь болѣе не нужно, какъ только видѣть улыбку своей жены, посреди цвѣтовъ его сада.

Неблагодарная Никко не раскаялась: она нашла другихъ поклонниковъ, и ее, безъ сомнѣнія, очень удивляло, когда ей напоминали о блестящемъ и богатомъ даймю, сынѣ Пракко, теперь позабытомъ.

Однако, иногда, среди этого счастья, Йори подавлялъ вздохъ сожалѣнія о богатствахъ Азамы, на одну только минуту отысканныхъ имъ и, такъ сказать, ускользнувшихъ прямо изъ его рукъ.

— Если бы мы могли, не разлучаясь, забрать нашу ношу съ золотомъ и драгоценными камнями!—говорилъ онъ.

— Были ли бы мы отъ этого болѣе счастливы?—отвѣчала, цѣлуя его, Нарейя.

Но, несмотря на все, Йори было жаль клада.

И еще не такъ давно онъ, удаливъ своего сына, чтобы тотъ не могъ слышать его словъ, вновь началъ было говорить о своей прежней мечтѣ. Во время ихъ разговора съ женой ребенокъ игралъ на террасѣ, какъ вдругъ изнутри одной большой вазы, служившей

для украшенія лѣстницы, его позвала чей-то нѣжный голосъ, и оттуда тотчасъ же вышла крошечная фея, прекрасная, какъ роза, и, бросивъ ему въ руки золотое яблоко, исчезла. Обрадованный ребенокъ тотчасъ же понесъ показывать отцу таинственный подарокъ. Отецъ прочелъ выгравированную на металлѣ слѣдующую надпись: «Много сокровищъ въ Азамѣ. Осторожно выбирай ихъ. Къ чему служить богатство? Самое драгоценное сокровище это—любящая и умная жена».

Йори узналъ, въ концѣ концовъ, что въ его приключеніи приняли участіе боги, и съ тѣхъ поръ онъ исцѣлился отъ своихъ грѣзъ о богатствѣ.

П. Инфантьевъ.

Морской министр, вице-адмиралъ А. А. Бирилевъ.
По фот. авт. «Нивы».

Высочайшій рескриптъ,

данный на имя морского министра, вице-адмирала Бирилева.

Алексѣй Алексѣевичъ. Цѣлый рядъ несчастныхъ для нашего флота военныхъ событій лишилъ его въ настоящую войну возможности оказать нашей сухопутной арміи ту поддержку, которая облегчила бы ея задачу и въ значительной степени обезпечила бы ея успѣхъ.

Съ семьями и близкими участниковъ военныхъ дѣйствій на морѣ Я глубоко, душевно скорблю о погибшихъ вѣрныхъ своему долгу морякахъ, которые мужественно и самоотверженно пожертвовали собою, сражаясь за честь Россіи, повинаясь Моимъ велѣніямъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ нравственный долгъ передъ Родиной обязываетъ всѣхъ чиновъ флота и морского вѣдомства разобратся въ нашихъ ошибкахъ и безотлагательно съ горячимъ рвеніемъ приняться за работу надъ воссозданіемъ тѣхъ морскихъ силъ, которыя нужны Россіи, и надъ воспитаніемъ и подготовкой требуемаго личнаго состава флота, проникнутаго сознаніемъ предъявляемыхъ къ нему требованій военно-морского дѣла.

Въ минувшемъ году при спѣшномъ вооруженіи 2-й и 3-й тихоокеанскихъ эскадръ вы проявили на дѣлѣ выдающуюся энергію, опытность и военное чутье и сумѣли внушить во всѣхъ подвѣдомственныхъ вамъ чинахъ бодрость духа и сознаніе государственной важности выполняемой работы.

Таковыя заслуги ваши даютъ Мнѣ увѣренность рассчитывать на вашу помощь Мнѣ въ предстоящемъ трудномъ дѣлѣ обновленія флота.

Назначая васъ нынѣ морскимъ министромъ, Я возлагаю на

Александровскій лазаретъ въ Харбинѣ. Китайцы-прачки. По фот. авт. «Нивы».

Команд. бронен. „Адмиралъ Ушаковъ“,
капит. I ранга В. Н. Миклуха.

Цусимскій бой. Гибель броненосца „Адмиралъ Ушаковъ“. Рисунокъ Г. Бордта, авт. «Нивы».

васть высшее руководство морским ведомством и доклады Минф по делам флота.

Возмутительные события последнего времени в черноморской флотской дивизии свидетельствуют о полном упадке воинской дисциплины в морских командах и о крайне небрежном отношении их прямых начальников к своему делу. Такие исключительные преступные деяния требуют самого серьезного, всестороннего расследования и самых строгих мер карательных.

В предстоящей вам работе Я ставлю вам в первую вашу обязанность заботу об укреплении воинского духа и дисциплины и о правильном прохождении службы личного состава флота, для чего считаю полезным ввести вновь существовавшую в прежнее время баллотировку офицеров при производстве в следующие чины.

В деле управления Морским Министерством признаю необходимым упрощение центральных его органов и предоставление большей самостоятельности и ответственности главным командирам балтийского и черноморского флотов и портов.

Я требую, чтобы было обращено внимание на важное воспитательное значение для гардемарин морского кадетского корпуса заграничных плаваний для укрепления в них любви к морской службе.

Для удовлетворения все увеличивающихся потребностей флота в людях специальных знаний, особенно в механиках, в самостоятельных машинистах и в машинных командах, необходимо обеспечить флот надежным, технически подготовленным личным составом, воспитанным в воинской дисциплине в специальных учебных заведениях и школах морского ведомства.

По части судостроительной считаю неотложным поставить наше военное судостроение в более отвечающие современным требованиям условия и поднять технической образовательный уровень корпуса корабельных инженеров.

Что касается выработки и выполнения будущей программы военного кораблестроения, то первой священной обязанностью морского ведомства Я ставлю безотлагательное обеспечение морской обороны отечественных берегов во всех наших водах, а затем уже, в зависимости от средств, постепенное воссоздание боевых эскадр.

От всей души желаю вам полного успеха на новом трудном и ответственном поприще государственной деятельности на пользу дорогой Родины, пребываю к вам неизменно благосклонный.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою написано:

Въ Петергофѣ.
29-го июня 1905 года.

«НИКОЛАЙ».

Свиданіе Императоровъ.

(Политическое обозрѣніе).

Династическая политика не имѣетъ теперь того значенія, какъ въ былые годы, тѣмъ не менѣе личные отношенія правителей и въ настоящее время имѣютъ огромное политическое значеніе, особенно въ такихъ монархическихъ странахъ, какъ Россія и Германія. Не мудрено поэтому, что свиданіе Императоровъ, происшедшее вблизи маленькаго финляндскаго городка Бюрке, вызвало массу самыхъ оживленныхъ толковъ въ печати всѣхъ странъ, какъ событіе мiровой важности. Хотя свиданіе Императоровъ носило частный характеръ—Ихъ не сопровождалъ ни германскій канцлеръ фонъ-Буловъ, ни русскій министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Ламздорфъ,—но это нисколько не умаляетъ его политическаго значенія. Каждый изъ монарховъ, если и не состоитъ своимъ собственнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, то во всякомъ случаѣ оставляетъ за собою рѣшающее вліяніе во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ международныхъ отношеній. Вопросовъ такихъ накопилось за послѣднее время не мало. Неудачная для насъ война на Дальнемъ Востоке, появленіе Японіи, какъ первостепенной военной и морской державы, образованіе англо-французскаго союза, которому не помѣшала союзъ Англіи съ Японіей и Франціи съ Россіей, растущая агрессивная роль Соединенныхъ Штатовъ, расторженіе скандинавской уніи— все это создало такую путаницу и осложненность положенія, которую не мѣшало бы привести въ ясность. Никто въ мiрѣ не знаетъ, чему были посвящены интимныя бесѣды Монарховъ, но догадкамъ и предположеніямъ нѣтъ конца. Французская печать отзывается о финляндскомъ свиданіи съ тревогой и неуверенностью, англійская считаетъ его благоприятнымъ поводомъ для измышленія самыхъ сенсационныхъ новостей. Нѣмецкая пресса въ этомъ отношеніи не отстаетъ отъ другихъ. «Berliner Local Anzeiger» сообщаетъ за достовѣрное, что во время свиданія у береговъ Финляндіи Германскій Императоръ поднялъ вопросъ объ основаніи русско-франко-германской коалиціи противъ желтой опасности. Если слухъ этотъ справедливъ, то въ ближайшемъ же будущемъ мiръ раздѣлится на два враждующихъ союза: съ одной стороны будетъ стоять континентальная Европа, съ другой—островитяне двухъ океановъ и Америка. Сліяніе въ одной политической комбинаціи доселѣ враждебно другъ противъ друга настроенныхъ Франціи и Германіи предотвратитъ возможность той европейской междуусобицы, объ ужасахъ которой по распоряженію фонъ-Булова французскому социалисту депутату Жоресу не было разрѣшено прочесть рѣчь въ конституціонной Германіи. Какъ показываетъ обычная дѣтняя демонстрація вокругъ статуи Страсбурга прошедшая и на этотъ разъ съ пышной торжественностью, съ дефилированіемъ знаменъ и гербовъ оторгнутыхъ отъ Франціи городовъ,—старыя раны національнаго самолюбія французовъ, хотя давно уже затянута, но попрежнему время отъ времени даютъ о себѣ знать, особенно въ скверную погоду, когда политическій горизонтъ начинаетъ заволакиваться грозными тучами. Какъ разъ именно такой тяжелый моментъ пережила на этихъ дняхъ Франція въ дипломатическомъ столкновеніи съ

Капитанъ II ранга А. М. Степановъ 2-й, командиръ транспорта „Камчатка“, погибшаго въ бою.

Капитанъ II ранга П. П. Дурново, командиръ миноносца „Бравый“, пробиравшаго послѣ боя во Владивостокъ.

Капитанъ II ранга А. С. Шаммовъ, командиръ миноносца „Блестящій“.

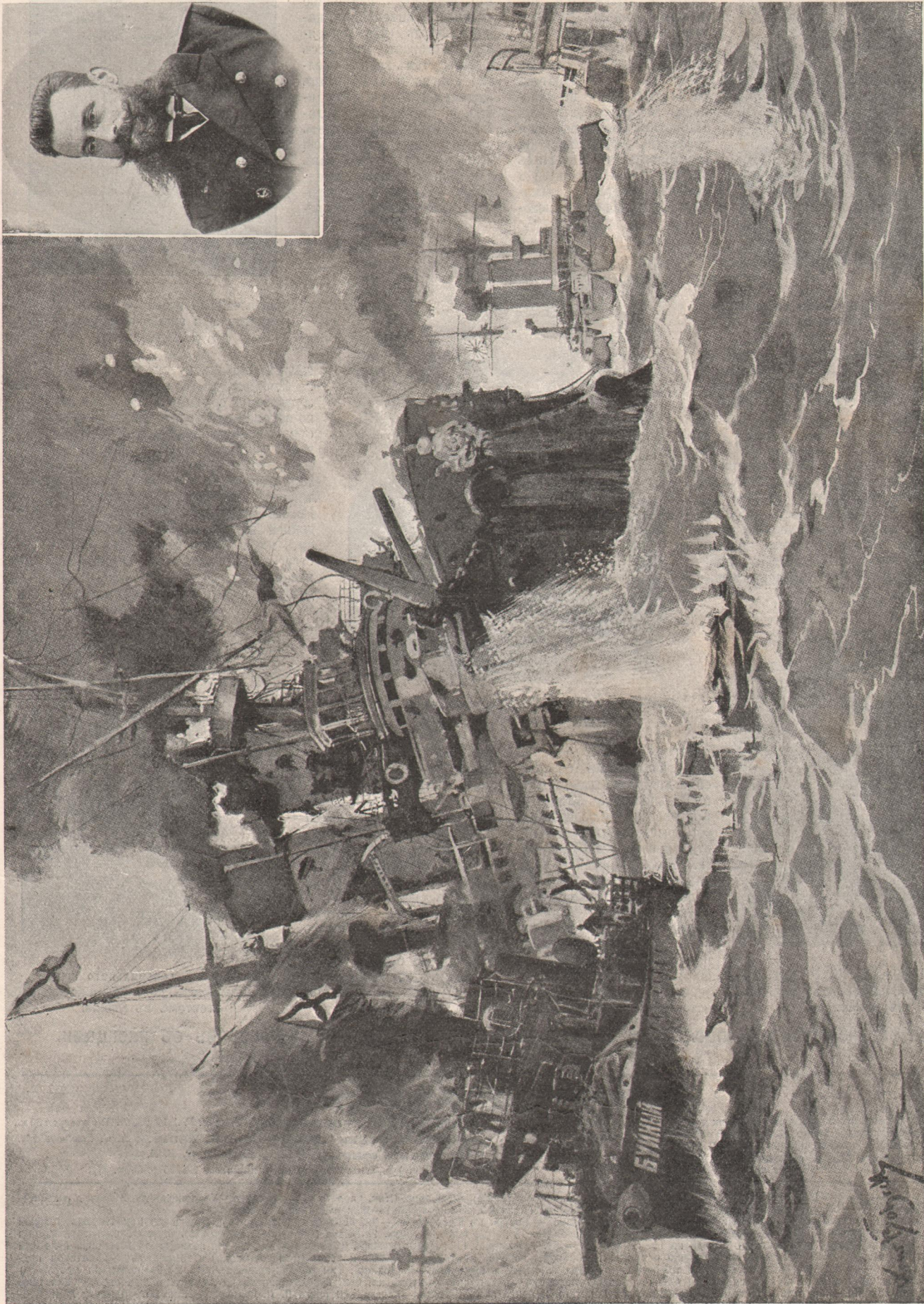

Капитанъ II ранга П. В. Ивановъ 3-й, командиръ миноносца „Бодрый“.

Капитанъ II ранга К. К. Андреевскій, командиръ миноносца „Грозный“ (раненъ), пробиравшаго послѣ боя во Владивостокъ.

Герои Цусимскаго боя. По фот. авт. «Нива»

Капитан II ранга Н. Н. Коломенцев,
командир миноносца „Буйный“.

Цусимский бой. Миноносец „Буйный“, приняв на борт раненого адмирала Рожественского, отходить от погружающегося броненосца „Бородино“. Рисунок Г. Бордта, авт. «Нивы».

Профессоръ международного права
О. О. Мартенсъ.

дующей, какъ избалованная, капризная дама, республикой. Направленный непосредственно противъ Германіи англо-французскій союзъ еще болѣе заставляетъ его заботиться о созданиіи новыхъ политическихъ комбинацій, которыя вырвали бы Францію изъ англійскихъ объятий и сдѣлали бы ее участницей континентальнаго союза. Россія тоже, вѣроятно, ничего не имѣетъ противъ новаго перераспределения европейскіхъ державъ на почвѣ реальныхъ политическихъ интересовъ и даже непосредственно заинтересована въ томъ, чтобы имѣть какой-нибудь противовѣсъ англо-японско-амери-

Германіей по поводу Марокко. Она была вынуждена пойти на уступки передъ грозной силой Германіи, и, разумеется, печальный исходъ столкновения долженъ былъ въ извѣстной мѣрѣ подновить старую боль. Показавъ свою мощь, императоръ Вильгельмъ вовсе не склоненъ злоупотреблять ею. Напротивъ того, онъ употребляетъ все усилія на восстановление хорошихъ отношеній съ Франціей и временами даже положительно ухаживаетъ за него-

щуюся промышленно-политическую борьбу между Германіей и Англійей. Печальный опытъ показалъ, что черезчуръ пламенное увлечение интересами какой-нибудь изъ спорящихъ сторонъ для насъ опасно, чѣмъ всякая «желтая опасность». Въ этомъ отношеніи самая скромная и миролюбивая политика, быть-можетъ, будетъ въ то же время и самою дальновидною. Но, такъ или иначе, намъ предстоитъ теперь ликвидировать тяжелое наслѣдіе про-

Чрезвычайный посолъ и полномочный министръ при китайскомъ богдыханѣ
Д. Д. Покотилевъ.

шлыхъ ошибокъ путемъ мирнаго договора съ Японією, и въ этомъ трудномъ дѣлѣ образованіе солидарной съ нами внутренне-европейской коалиціи можетъ оказать существенную помощь и поддержку веденію мирныхъ переговоровъ въ Вашингтонѣ, возложному на С. Ю. Витте. Изъ обнародованнаго газетами интервью нашего главноуполномоченнаго видно, что Россія вовсе не признаетъ себя побѣжденной въ концѣ и вынужденной просить мира во что бы то ни стало. Средства сопротивленія ея далеко еще не исчерпаны до дна, и готовностью продолжать войну въ случаѣ чрезмѣрности

Главный уполномоченный предсѣдатель комитета министровъ С. Ю. Витте.

канской коалиціи, давленіе которой несомнѣнно скажется на ходѣ нашихъ мирныхъ переговоровъ съ Японією при любезномъ, но едва ли безкорыстномъ посредничествѣ президента Рузвельта. Какъ держава мирная, не капиталистическая и потому не стяжательная, Россія не нуждается въ захватахъ населенной территоріи для сбыта своей промышленности и по существу положенія можетъ довольно равнодушно взи- рать на быстро разгораю-

щуюся униженности японскихъ требованій дышать даже рѣчи того государственнаго дѣятеля, который заслуженно пользуется репутацией признаннаго главы «партіи мира». Можно смѣло сказать, что вмѣстѣ съ нимъ мира страстно жаждетъ вся Россія, но она понимаетъ, что настоящимъ и прочнымъ можетъ быть только такой миръ, который не будетъ унижительною для великой націи и дастъ гарантіи ея законныхъ интересовъ.

Капитанъ II ранга А. И. Русинъ, состоявшій до войны морскимъ агентомъ въ Японіи.

Полковникъ генеральнаго штаба В. К. Самойловъ, состоявшій военнымъ агентомъ въ Японіи.

Наши уполномоченные, посланные въ Вашингтонъ для мирныхъ переговоровъ съ японцами.

По фот. авт. «Нивы».

Пожертвованія.

Съ 1-го по 30-е іюня включительно прислали въ редакцію пожертвованія:
Въ пользу раненыхъ: приобщене с. Уварово 5 р.; сестра 3 р.; по 1 р.: А. В. Уваровъ, Л. П. Водопьянова; подписчица М. Г. 50 к.
Въ пользу вдовъ и сиротъ: О. А. Иванова 10 р.; подписчицы № 30.853—5 р. 50 к.; по 1 р.: А. С. Рязановъ, Л. П. Водопьянова.

На нужды дѣйствующей арміи: М. В. А. 1 р.; А. А. Лятковская 50 к.
Въ пользу военнопленныхъ въ Японіи: А. С. Рязановъ 1 р.
На усиленіе флота: Н. П. Прейвъ 2 р.; М. В. А. 1 р.
Итого 33 р. 50 к., а съ прежде поступившими 19.335 р. 50 к.

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ: Волченочъ. Повѣсть П. П. Гидича. (Продолженіе). — Двѣ зари. Стих. Аполлона Коринфскаго. — Кладоскатель. Японская сказка. — Высочайшій рескриптъ. — Свиданіе Императоровъ. (Политическое обозрѣніе). — Объявленія.
Р И С У Н К И: Послѣ знойнаго дня. — Мечты. — Испытаніе. — Затихше. — Косари въ Малороссіи. — На передовой позиціи: 1) Тревога. 2) Перестрѣлка. Первый раненый. — Атака черезъ проволочныя загражденія и водчыя ямы. — На позиціи: 1) Рытье волчьихъ ямъ. 2) Рытье окоповъ. — Атака черезъ проволочныя загражденія и волчыя ямы. — Главнокомандующій у своего поѣзда на ст. Годзяданъ. — Ст. Годзяданъ. Главнокомандующій у своего поѣзда. — На позиціи: 1) Установка пулемета передъ атакой неприятеля. 2) Пулеметь. 3) Въ ожиданіи неприятеля. — Снаряды полевого мортира. — Полевая мортира (6-ти дюймовая) и командиръ 3-й батареи подполковникъ Федоровъ. — На позиціи. Станція полевого телефона. — Мортира въ моментъ выстрѣла. — На позиціи: 1) Разбивка волчьихъ ямъ. 2) Сигнализанція флагами. — Морской министръ, вице-адмиралъ А. А. Бирилевъ. — Александровскій лазаретъ въ Харбинѣ. — Цусимскій бой. Гибель броненосца «Адмиралъ Ушаковъ». — Капитанъ II ранга К. К. Андреевскій. — Капитанъ II ранга П. В. Ивановъ 3-й. — Капитанъ II ранга А. С. Шамовъ. — Капитанъ II ранга П. П. Дурново. — Капитанъ II ранга А. И. Степановъ 2-й. — Цусимскій бой. Миноносець «Буйный», принявъ на бортъ раненаго адмирала Рожественскаго, отходитъ отъ погружающагося броненосца «Бородино». — Профессоръ международного права О. О. Мартенсъ. — Капитанъ II ранга А. И. Русинъ. — Главный уполномоченный предсѣдатель комитета министровъ С. Ю. Витте. — Чрезвычайный посолъ и полномочный министръ при китайскомъ богдыханѣ Д. Д. Покотилевъ. — Полковникъ генеральнаго штаба В. К. Самойловъ.
Въ этому № прилагается: «Полнаго собранія сочиненій А. Н. Салтынова-Щедрина» книга В.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.